

Мария и Сорагимова

ИМАМ ШАМИЛЬ

Книга вторая

Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том

Мариам Ибрагимова

Имам Шамиль. Книга вторая

ТД "Белый город"

1991

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84 (Рос-Лак) 7

Ибрагимова М. И.

Имам Шамиль. Книга вторая / М. И. Ибрагимова — ТД "Белый город", 1991 — (Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том)

ISBN 978-5-906726-99-5

Книга о легендарном имаме Дагестана и Чечни. Долгие годы Мариам посвятила изучению документов, касающихся героических и трагических страниц Кавказской войны, жизни-борьбы Имама Шамиля. Роман показывает единение Кавказа и России — как историческую неизбежность; отношения между людьми, обречёнными убивать друг друга и страстно протестующими против этой обречённости; великие моменты просветления, когда обе стороны проникаются трагическим осознанием того, что творят.

УДК 821.161.1-311.6 Ибрагимова
ББК 84 (Рос-Лак) 7

ISBN 978-5-906726-99-5

© Ибрагимова М. И., 1991
© ТД "Белый город", 1991

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мариам Ибрагимова

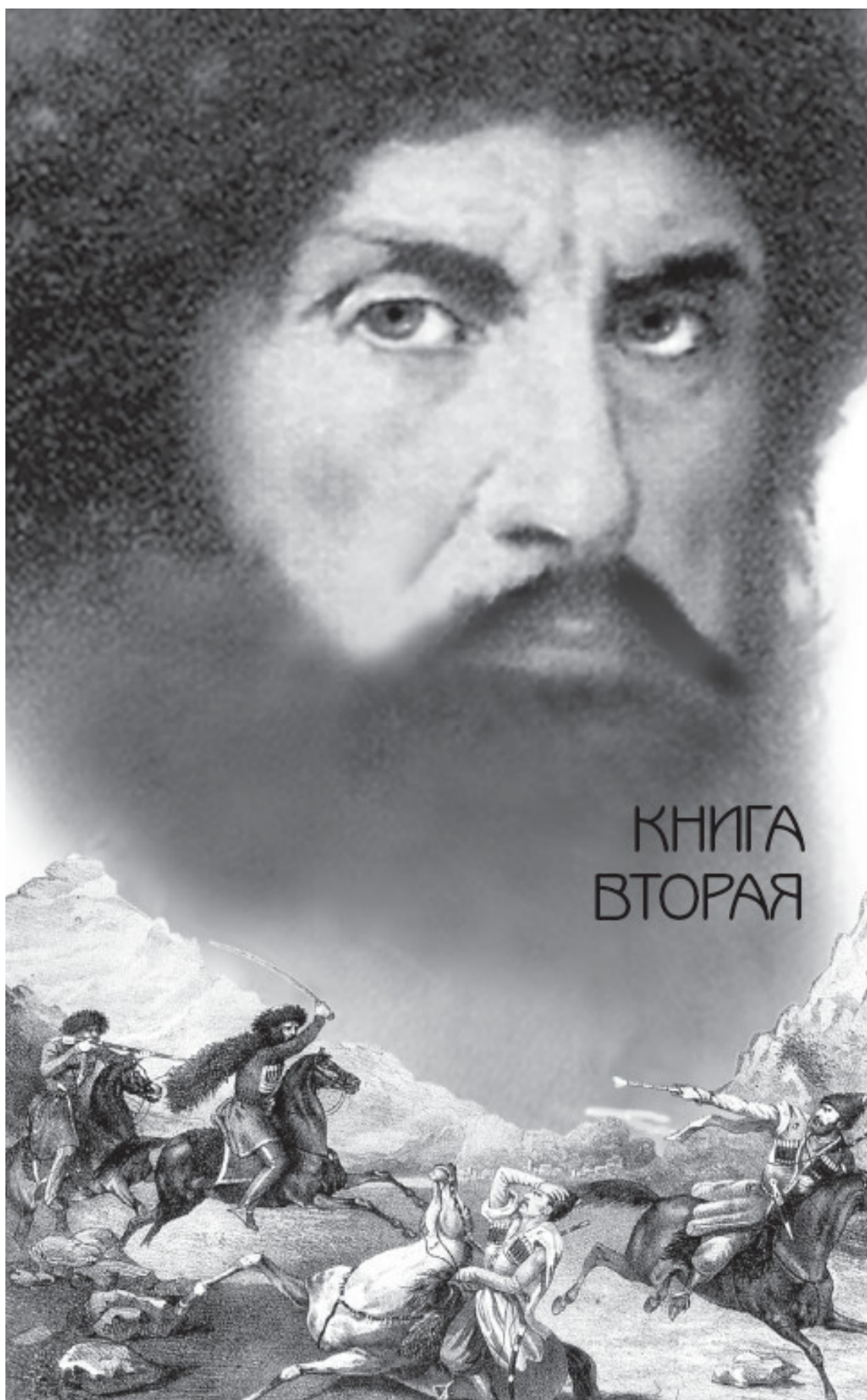
Имам Шамиль. Книга вторая

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах

Том 3

Глава первая

Шамиль решил поселиться в Чечне. Горы Ичкерии, Ауха и других вольных обществ, покрытые девственными лесами, были менее доступны врагу и более надёжны, чем голые хребты Дагестана. Среди народов Кавказа имя Шамиля было широко известно и овеяно легендами. С почтением и любовью относились к имаму свободолюбивые ингуши и чеченцы. Как только весть о прибытии Шамиля в Аргунское ущелье дошла до жителей других аулов, в селение Баян потянулись почитатели Шамиля, делегаты от разных обществ, предлагая воинственному имаму хлеб и кров. Богатый староста общества Баян не жалел для славных кунаков ни быков, ни баранов.

В Баян приехали учёные: Шугаиб-мулла из Цамтури, молодой арабист Шахбан из Гуршкурта и Джавад-хан – кадий из Дарго.

Шугаиб-мулла, подойдя первым к Шамилю, сказал:

– Имам, не считай себя побеждённым, ибо это не поражение. Не сокрушайся о потерянном, ибо это не потеря. Аллах одной рукой даёт, другой берёт. Я, преданный Аллаху раб, хочу верой и правдой служить тебе. До трёх тысяч воинов приведу под твоё начало, повелевай!

Шамиль с нескрываемым волнением смотрел на статного молодого красавца с искристыми чёрными глазами.

– Я тоже пришёл, чтобы предложить тебе очаг, услуги и воинство, – сказал Джавад-хан, когда закончил речь цамтуринский мулла.

Имам, сделав поклон головой, ответил:

– Хвала Всевышнему! Благодарность вам! Поистине вы народ, преданный учению Посланника, мужественный и свободолюбивый! Перед всевидящим оком Аллаха обещаю вам любовь и преданность до конца дней моих, ибо, когда для меня и моих близких стал тесен мир, несмотря на его просторы, вы как искренние братья протянули руки, подняли поверженных. Мы бежали из родного края, гонимые, обессиленные, шатаясь от голода и усталости. Ваши люди укрыли нас, дали пищу. Так пусть кара Всевышнего постигнет того, кто осмелится отплатить злом за добро. Если есть среди вас человек, умудрённый знаниями, способный водить войско и личным примером увлекать на ратные дела, мы без промедления готовы как рядовые стать под знамя ислама.

Джавад-хан сказал:

– Нет у нас аула, который не прославлен отчаянными храбрецами. Но и нет над нами такого, кто бы постоянно сплывал всех волею своей и водил на врага.

– Это можешь сделать только ты, имам, – добавил учёный Шахбан.

– Могу, но с одним условием, что на это дадут согласие народные представители всех чеченских и ингушских обществ, – ответил Шамиль.

Шугаиб-мулла сказал:

– Имам, можешь не сомневаться. Мы созовём сюда почтенных людей из всех селений. Они скажут тебе то же самое, что сказали мы.

Джавад-хан предложил:

– Не будем откладывать, давайте созовём старейшин и учёных в следующую пятницу. Все согласились.

В один из погожих осенних дней 1839 года в Баяне, как в былые времена в Гоцатле, Унцукуле, Ашильте, сделалось шумно и многолюдно. Сюда спешили народные представители и главы обществ Большой и Малой Чечни, Ингушетии. В баянской мечети не хватило мест. Но жители, соблюдая правила гостеприимства, предоставили храм гостям, а сами подмели двор мечети, расстелили ковры на земле и обратились взорами к востоку.

Выступая с проповедью, Шамиль говорил по-арабски. Его сильный голос с приятным тембром долго звучал, овладев вниманием собравшихся, многие из которых хотя и не понимали чуждой речи, но слушали с затаённым дыханием, не отрывая глаз от величественной фигуры имама, облачённого в длинный белый халат и чалму. Имам был признан всеми.

В тот же день чеченские писари засели за воззвания.

Учёные предложили имаму переехать в Гуршкурт. Этот аул имел большую мечеть, и населения в нём было значительно больше.

Гуршкурт понравился Шамилю. Через неделю Шугаиб-мулла перевёз сюда семью и всех соратников имама.

Всю позднюю осень и зиму Шамиль занимался утверждением шариата в Гуршкурте и других аулах. В каждом селении была открыта диван-хана¹. Чеченские кадии-правоведы раз-

¹ Диван-хана – судебное здание.

бирали в них по шариату споры и гражданские дела. Верховным судьей был Шамиль, Но ни один вопрос он не решал единолично. Им сразу был создан меджлис², членами которого стали учёные и духовенство. Кадиям были подвластны сельские старосты, которые занимались мобилизацией и в нужное время вместе с кадием должны были возглавить отряды. Старый соратник Шамиля Ташов-Гаджи, как член меджлиса, во многом помогал имаму.

На кордонной линии в это время было спокойно. Шамиль, уставший от бранных дел, решил немного отдохнуть, собраться с силами. К тому же ему хотелось поближе узнать людей, изучить страну.

Однажды в диван-хану к Шамилю явилась молодая красивая аварка из Чиркея, которая назвала себя Азизой. Обратившись к имаму, она сказала:

– Я рабыня гуршкуртского узденя Янди. Он хочет продать меня кумыку из Аксай-аула, разлучить с мужем и малолетним сыном, которые тоже принадлежат ему Ты, могущественный имам, человек почтенный и справедливый. Помоги мне, ради Аллаха! Пусть Янди, если хочет избавиться от меня, продаст нас всех троих. В благодарность за твою помощь век буду молиться за тебя, твою жену, детей и всех твоих близких.

Подобные жалобы и просьбы для Шамиля были самыми тягостными. Он говорил:

– Я иду на сделку со своей совестью, не принимая никаких мер, не помогая этим несчастным людям в беде. Но что я могу поделать в стране, которая не приняла законов шариата, среди народа, милостью которого существую сам...

Он ласково обошёлся с Азизой, однако вынужден был сказать:

– Если бы это зависело только от меня, без сомнений помог бы тебе, но я пока что имею небольшие права. Скоро восторжествуют истинные законы, и тогда в первую очередь начну помогать таким, как ты, невольным.

Азиза ушла, утирая слёзы.

Недели через три после этого к Шамилю подбежал Гази-Магомед.

– Отец, – сказал мальчик, – я только что видел ту женщину, которая приходила к тебе и говорила, что её хотят продать.

– Ну и что же? – спросил Шамиль.

– Сейчас её волокут по земле какие-то мужчины. Она очень сильно кричит и плачет.

² Меджлис – высший совет.

– Где они?

– Там, пойдём покажу.

Шамиль пошёл вслед за бегущим впереди сынишкой. До слуха донёсся женский вопль.

– Иди позови наших мужчин! – крикнул Шамиль сыну, а сам направился в ту сторону, откуда доносился крик.

– О мусульмане! Неужели среди вас не осталось милосердных! Да покарает вас Аллах, бросив на ваши дома полчища гяуров! Да выйдут мои слёзы вам кровью! Пусть враги так уведут ваших жён и дочерей!

Шамиль растолкал теснившуюся вокруг толпу и увидел двух дюжих молодцов, которые за руки тащили упирающуюся Азизу. Имам подошёл к ним, преградил путь и крикнул, обнажив кинжал:

– Немедленно отпустите женщину!

В этот момент с оружием в руках подбежали Юнус, Ахвердиль-Магома, Муртаза и Салих. Видя это, женщина укусила одного из тех, кто её держал. Отпустил несчастную и второй. Но хозяин Янди, здоровый чеченец лет сорока, сказал Шамилю:

– Может быть, для тебя выгоден шариат, придержишься его, но нас в наших правах не ущемляй. Я должен пятнадцать туманов этому аварцу. Часть денег отдал, в счёт другой части отдаю ему свою рабыню.

– Если даже не пятнадцать, а сто туманов ты будешь должен ему, я не позволю тебе отдавать вместо денег мусульманку, – ответил имам.

Янди исподлобья со злостью смотрел на него.

– Стыдись! – продолжал Шамиль с гневом. – Ты называешь себя правоверным, а поступаешь хуже самого последнего гяура. Того, кто не хочет признавать шариат добровольно, я заставлю признать силой или изгоню из общества, как подлого отступника.

Несчастливая женщина с распущенными волосами, в изорванном платье сидела у ног имама, прикрыв лицо руками. Толпа молчала. Молчал и Янди. Шамиль продолжал:

– Вы вспоминаете шариат, когда вам выгодно. Поднимаете оружие тогда, когда люди царя приходят к вам собирать дань. Если вы умеете помнить один закон, продиктованный Аллахом, так извольте помнить и остальные, даже если они вам невыгодны и тягостны.

А если я отступаю от них, поправьте, но только запомните, – имам в упор посмотрел на Янди, – я никогда не извлекал из этих законов выгоды для себя.

Люди зашумели.

– Сестра, встань, иди к своему мужу, – сказал Юнус и добавил: – Если кто-нибудь посмеет тебя тронуть, дай нам знать.

Азиза встала. Вскинув руки к небу, воскликнула:

– Пусть все ваши беды и недуги Аллах пошлёт мне! Спасибо вам, мусульмане!

Одобрительные возгласы послышались из толпы, но были и такие люди, которые сурово молчали. В тот же день имам Шамиль отправил посыльных вновь, требуя схода народных представителей в Гуршкурте.

Выступая на сельской площади перед собравшимися, Шамиль заявил:

– Я очень признателен вашему народу и до смерти буду помнить всё то хорошее, что вы сделали мне и моим близким. Но не смогу мириться с худшими из адатов. Отныне приказываю прекратить работорговлю. То же самое скажу кумыкам. Невольничий рынок в Аксае будет закрыт. Продавать или покупать мусульман никому у нас не позволю, ибо в Священном писании сказано: «И раб и халиф равны перед Богом». Если же вы, вернее, некоторые откажутся выполнять начертанное в Коране, я уйду отсюда. Нет людей страшнее нестойких, в их колебании таится опасность похуже, чем у открытых врагов.

Выступив после Шамиля, Шугаиб-мулла сказал:

– Не беспокойся, имам, те, что возвысили тебя над собой, не уронят тебя. Всё будет сделано так, как писано в Священной книге. И мы скорее изгоним тех из своего общества, кто не подчинится тебе. Отныне все невольники-мусульмане в Чечне будут освобождены от зависимости.

В дни поста Ташов-Гаджи явился к Шамилю от имени жителей Нижней Чечни. Он сказал:

– Имам, люди наши хотят подняться против неверных до наступления тепла. Они просят тебя возглавить бунт.

– К чему такая спешка? Ещё не прошли холода, не организовано войско, – ответил имам.

– Подходят сроки уплаты налогов царским чиновникам. У людей нет денег, нечем платить. Когда заявили об этом гяурам, их главный сказал: «Вместо денег давайте по одному ружью и по три кинжала с десяти домов». Ходят слухи, что за несвоевременную уплату податей население наших аулов будут превращать в крепостных и облагать рекрутской повинностью.

Шамиль заволновался:

– К празднику разговения созовем видных людей Большой и Малой Чечни. Надо посоветоваться со всеми, тогда решим.

До наступления байрама в Гуршкurt съехались вновь влиятельные люди обществ. Одновременно туда же стали переселяться жители из аулов, расположенных близко к Линии.

Когда представительные чеченцы собрались в мечети, Шамиль попросил Ташова высказать просьбу жителей Нижней Чечни при всех и объяснить причины, побуждающие народ к волнению.

Ташов-Гаджи рассказал обо всём. Стал говорить Шамиль:

– Поистине, прежде чем браться за какое-либо дело, необходимо установить порядок. Надо знать, где расположены общества, чем они могут помочь, какую силу выставить. Гяуры – люди дисциплины и порядка. Они, в отличие от наших воинов, даже в наступление идут, не ломая строя. Их постоянное войско находится на содержании государства и всё время в играх обучается приёмам борьбы и владению оружием. Нам следует учиться у них, ибо отдельные выступления против них и налёты не приводят к успеху. Следует создать организованное войско. Для этого нужно, чтобы старосты аулов представили списки способных воевать. Не думаете ли вы, что я в течение всего этого времени сидел, занимаясь мирскими делами?.. Нет, я о многом размышлял и решил: прежде чем браться за оружие, разобьём вилает на четыре округа. Обществом Шубута пусть управляет Джавад-хан. Наибом округа Татахи я предлагаю поставить Шугайб-муллу. Во главе гехинских земель поставим Ахвердиль-Магому – он человек чести, совести и бесстрашия. В беноевском обществе – Байсунгура. Народы Ауха пусть останутся под началом умудренного опытом борьбы с гяурами – Ташова-Гаджи. Муртазаз будет его помощником. Если кто-либо хочет назвать людей более достойных из своего общества, скажите, я сделаю так, как хочет большинство.

Престарелый мулла из Баяна первым нарушил молчание. Он сказал, обратившись к Шамилю:

– Сын мой, даже из одного и того же дерева делают ложку для плова и лопату для навоза. А когда под руками мастера много пород древесины, он лучше знает, какая на что пойдёт. Подмастерья должны делать так, как сказал мастер. Я очень внимательно прослушал всё, что ты говорил, лучше сказать и сделать нельзя.

С баянским главой мечети согласились все. Спор возник о том, где обосновать резиденцию имама. Каждый из четырёх названных наибов предлагал свой аул.

Ташов-Гаджи хотел, чтобы имам переехал в Аух. Джавад-хан возразил:

– Людям Нижней Чечни доверять нельзя. Разумеется – некоторым. Среди них есть способные на коварство и измену. Иمامу лучше поселиться в Дарго, которое расположено среди малодоступных лесистых гор, подальше от вражеской Линии.

Со вновь назначенным наибом округа Шубуты согласились многие. Здесь же был создан Высший совет и объявлен состав. Совет решил пока воздержаться с выступлением против гяуров.

Ташов-Гаджи вынужден был ограничиться письмом-обращением имама к народам Нижней Чечни. В нём говорилось:

«Я раб наставника на пути истинном Всемогущего Аллаха – Шамиль. Чеченскому народу, обитающему в Нижней Чечне, старшинам и духовенству. Мир вам! Да сохранит вас Бог от всяких напастей!

Я не мог не сожалеть, узнав, что некоторые из вас забыли шариат, противятся законам, страдают сами и несут страдания другим. С помощью Аллаха я подготовлюсь и приду к вам. Тот, кто не усерден в вере и способен на обман, будет наказан.

Объявление содержания сей бумаги обязательно каждому человеку Аухского вилаета.

Имам Шамиль».

В начале мая Шамиль переселился в Дарго. Через несколько дней после переезда к имаму пришли народные представители во главе с ауховским муллой.

– Имам, Ташов-Гаджи привез нам твоё письмо, – сказал мулла. – Мы переписали его и распространили для всех. Наши люди хотят, чтобы ты лично явился к нам и представился народу. Если не уступишь нашим просьбам, к тебе придут старухи, которые не уйдут до тех пор, пока ты не дашь согласия.

– Я обязательно приду к вам, и сделал бы это даже без просьбы, ибо не может рассчитывать на успех вождь, которого не видит и не знает народ.

После отъезда народных представителей Ауха Шамиль написал письмо Ташову-Гаджи, которое отправил с Юнусом:

«Поистине близится день торжества ислама в вашем вилаете. Твои подвластные требуют моего прихода. Я обещал, готовлюсь. Готовьтесь и вы. На двенадцатый день этого месяца ждите все на Устарханском поле».

Затем он вызвал к себе Джавад-хана.

– Наиб, – сказал Шамиль, – прикажи глашатаю объявить сход.

Когда на большой площади Дарю собрался народ, Шамиль выступил:

– Мусульмане, прежде чем изложить то, для чего я вас собрал, позвольте мне вознести хвалу Создателю мира и благодарность вам, предоставившим мне и моим близким кров, еду, защиту и уважение.

После короткой молитвы Шамиль продолжал:

– Каждый из вас – от мала до велика – может видеть меня и говорить хоть каждый день. Но есть и такие, кто лишён этой возможности. Вам известно, что сюда приезжали представители от народов Ауха. Они хотят, чтобы я пришёл к ним, и получили моё согласие. Поехать можно в сопровождении нескольких мюридов, но мне бы хотелось явиться к ним в сопровождении многих из вас, не для показа личного торжества, а для большего убеждения колеблющихся и неустойчивых в вере.

Когда Шамиль умолк, самый старый житель Дарго, опираясь на клюку и неуверенно ступая, вышел вперёд. Он обвёл подслеповатыми глазами стоящих впереди:

– В том, что с тобою пойдут наши молодые, сомнений не может быть. Я хочу сказать, чтобы ты не пренебрегал и такими, как я. Пусть тлеют последние угольки под пеплом моих седин, но они ещё не погасли. Если я не способен прочно удержаться на ногах, удержусь в седле.

– Благодарю тебя, отец, и сожалею, что под бременем лет иссякает молодецкая сила. Но хвала Аллаху, сохраняющему в сердцах непоколебимый дух мужества, а в сознании – блеск мышления. Такие, как ты, могут ехать в первых рядах.

К назначенному дню в вилает Ауха на Устархановское поле не только собрались жители Нижней Чечни, но и прибыли с отрядами Шугаиб-мулла и Ахвердиль-Магома.

Шамиль выступил перед многотысячным собранием:

– К сожалению, жизнь многих проходит в невежестве, в употреблении одурманивающих напитков и дымов. В Коране сказано: «Всякий в сердце своём почувствует дурные поступки. Они будут потом раскаиваться». Кайтесь, иначе над упорствующими будет учинено то, что с неверными. Ответственны за это муллы и кадии. Также будьте готовы к бегству от неверных. Бог сказал: «Земля моя велика и плодоносна – бегите». Так же говорит Пророк: «Не прекращайте бегства вашего от неверных». И в священном Ибн Гаджре сказано: «Бегите из тех мест и того края, где обитают неверные, а тот, кто не в силах бежать, пусть не следует по пути

неверных, не повинуются им». Мы явились к вам сюда, чтобы указать путь и места для новых поселений.

Когда закончился сход на Устархановском поле, Шамиль со своими сподвижниками в сопровождении отрядов новых мюридов стал объезжать аулы Нижней Чечни. Жителям аулов, расположенных на открытой местности, имам предлагал переселиться в лесистые горы. Население не просто изъявляло покорность, а радушно принимало Шамиля. Но бросать насиженные, обжитые места с цветущими садами, виноградниками, с обширными возделанными полями не все соглашались.

– Если вы хотите сохранить себя и жизнь своих близких, переселяйтесь, иначе всё это погибнет вместе с вами.

И тронулись люди, увозя в глухомань горных лесов не только скарб, но и останки предков со старых кладбищ.

Когда имам со своими отрядами находился в Агдаш-Аухе, к нему приехал из Чиркея чабан Иса. Шамиль обрадовался сыну товарища, павшего в Ахульго. Гость рассказал имаму дагестанские новости и сообщил, что его прислали чиркеевские уздени с известием о своей готовности помочь ему в нужную минуту. Шамиль с благодарностью проводил молодого чабана:

– Я это знал, буду всегда помнить, вознося хвалу и благодарность Аллаху, создающему людей, достойных поклонения.

Власть имама и шариат в 1840 году признали все аулы Большой и Малой Чечни. Даже представители местной знати, которым царское наместничество присвоило военные звания, повысило в чинах и выделило средства на содержание, являлись к Шамилю.

– Прими нас, – говорили они. – Мы откажемся от чинов, привилегий и денег. Клянёмся Аллахом служить тебе верой и правдой.

Это было торжественное шествие имама по сёлам Чечни. Это была победа.

Вернувшись в Дарго, Шамиль распустил многотысячное войско по домам. При нём остался вновь созданный отряд муртазагетов. С ним он двинулся на Харачи, где ранее был

оставлен наиб Джавад-хан. Здесь должен был состояться суд над десятью чеченцами, которые отказывались подчиняться наibu. Шамиль отменил суд. Он поговорил с непокорными, и те дали обещание выполнять приказы наива.

Вернувшись в Дарго, имам занялся строительством нового дома для себя, сподвижников, бежавших с ним из Ахульго, а также некоторых учреждений своего маленького государства. В те дни к имаму неожиданно явились аварцы из Тиндаля и Багуляла. Мулла, возглавлявший делегацию этих обществ, сказал имаму:

– Мы пришли от имени нашего народа, чтобы выразить признание твоей власти.

Шамиль, опечаленный воспоминаниями прошлого, с грустью ответил:

– Вы пришли тогда, когда я не нуждаюсь в этом. В тяжёлые дни испытаний ваши люди не откликнулись на мой зов. Они не оказали помощи, когда я больше всего нуждался в ней. Верность дружбе познаётся в беде. Мне почему-то кажется, что ваш народ спешит признать власть мою не из любви ко мне, а из страха перед растущей силой моей. Теперь, когда я стал на ноги, зачем мне ваш костыль? Я без того знаю, что многие из врагов, тех, кто готов был продать гурам мою голову за ломаный грош, признают меня тотчас, как явлюсь с силой, и вновь отвернутся, если я попаду в беду и буду зависим от их милости. Не обижайся, мулла, на слова правды, как я не в обиде на свой народ за те измены и огорчения, которыми отплатили они за мою преданность и любовь. Скажи им, что я ещё приду, приду непременно, но только не для того, чтобы вести с ними счёты, а чтобы помочь заблудившимся стать на путь истинный.

Наместничество и царские чиновники были обеспокоены массовым переселением чеченцев с равнины в горы. В своих донесениях в главный штаб Отдельного Кавказского корпуса в Тифлис командующий силами северной Линии писал: «Теперь вся Чечня, вместе с Кочкалыковскими и Мичиковскими обществами, признала власть имама Шамиля».

На борьбу с непокорной Чечнёй была снаряжена экспедиция под командованием генерал-лейтенанта Голофеева.

Чтобы отрезать некоторые пути сообщения противника через чеченские аулы, имам с небольшим отрядом пришёл в Чуамиклы. Выступил перед жителями селения:

– Мусульмане, с именем Аллаха, миром и добром пришли мы сюда. Никто из моих воинов не обидит ни одного человека и не коснётся вашего имущества, если вы последуете примеру тех, кто пришёл сюда со мной. Если не желаете следовать по нашему пути, помогите нам сегодня прогнать тех, кто проходит мимо вас, неся вам угнетение.

После имама с призывом присоединиться к мусульманскому войску выступили несколько узденей Чуамиклы. Народ согласился поддержать Шамиля.

В ожидании появления противника имам поселился в доме родственника хозяина, у которого он жил первое время в Гуршкурте. Его стали посещать старейшие, знатные и простой народ. Одни приходили за советом, другие-с жалобами, третьи-с просьбой рассудить.

В один из дней к имаму пришли представители целого тухума во главе с муллой. Мулла сказал:

– Эти люди неоднократно обращались ко мне с жалобой на соседа Губаша и требованием предать его суду. Кроме них, приходили и другие люди нашего селения и соседних аулов. Некоторые грозили учинить над ним самосуд.

– Чем вреден этот Губаш? – спросил имам.

Тогда старейший рода сказал:

– Он вор, убийца и разбойник. Недавно мы нашли в балке своего кунака из Хими. Он лежал в кустах со свёрнутой головой – лицо обращено к спине. Умерщвленных таким образом людей в нашем округе находили не раз. Для того чтобы убить человека, своротив голову, как петуху, вокруг собственной шеи, без ножа и пистолета, надо обладать большой силой. Такой силой в нашем крае обладает только один – Губаш.

Когда старейший тухума закончил речь, вновь заговорил мулла:

– Имам, этот человек занимается не только разбоем, но является и негласным ставленником гяуров в нашей стороне. Когда эти нечестивые проходят мимо нас, они обязательно посещают дом Губаша, спаивают его дурманящими напитками, не учитывая его тупоумия, дают курить кальян, задаривают деньгами и другими подношениями. Поэтому никто из наших не желает с ним связываться.

Шамиль ответил:

– Приходится удивляться, что люди целого родового союза и большого селения не могут справиться с одним злодеем, который приносит столько беды.

– С ним нельзя справиться, это не человек, а худший из дивов³. Он может пинком ноги вышибить любые ворота.

– Приведите его ко мне, – сказал имам.

– Это невозможно, – ответил мулла, – ибо физически с ним никто не справится.

– А кто же у вас справляется с необъезженными жеребцами? – спросил Шамиль.

– С десятью дикими буйволами легче справиться, чем с одним Губашем, – сказал старейший тухума.

– Хорошо, тогда его возьмут мои молодцы. Укажите дом, где живёт Губаш, – распорядился имам.

Тут же, призвав к себе десять дюжих муртазагетов, Шамиль сказал:

– Возьмите с собой аркан и верёвки. Одни, зайдя со двора, разговорами отвлеките внимание великана. Другие с крыши или с забора подступите сзади и накиньте петлю на шею. Пока не заарканите, близко не подходите, ибо, если он на самом деле подобен диву, может кого-нибудь из вас убить.

Затем, обратившись к мулле, Шамиль велел позвать кадия Чуамиклы, почётных стариков и учёных, которые будут решать на суде судьбу Губаша.

Дом Губаша был расположен на окраине аула. Жил он один. Когда муртазагеты вошли во двор, они увидели гиганта, который сидел на ступеньках, бессмысленно глядя перед собой. Посмотрев на вошедших, Губаш лениво поднялся. Это был человек четырёхаршинного роста, необъятной ширины плеч. Огромная голова его с тяжёлой, выступающей вперёд нижней челюстью покоилась на бычьей шее. Низкий покатый лоб, небольшие глубоко сидящие злые глаза, подвижные крылья приплюснутого носа и оскаленные зубы придавали свирепый вид гиганту.

Увидев человекоподобное существо, муртазагеты опешили. Но, к счастью, те, что наступали сзади, ловким взмахом успели накинуть и затянуть петлю на шее великана. От неожиданного нападения Губаш растерялся, схватился за аркан и так дернул его, что двое муртазагетов, стоявших на крыше буйволятника, натягивая аркан, слетели вниз. Но, подоспевшие со двора муртазагеты, сумели сбить с ног великана. Потребовалось несколько минут борьбы, чтобы связать его. Как буйного коня, они сдвинули громилу и, напрягая все силы, под одобрительные возгласы поселян потащили на суд.

На площади в центре аула собралась большая толпа народа. На годекане сидели имам с кадием, старейшинами и учёными.

Многие из членов суда, а также люди из толпы выступили с обвинительными речами.

Имам слушал всех внимательно, а сам не сводил удивлённых глаз с усаженного напротив гиганта. Он следил за каждым его движением, за мимикой, за выражением глаз. Все выступающие желали Губашу смерти. Никто не сказал доброго слова в его адрес.

Когда народ и судьи высказались, поднялся Шамиль. Толпа тесным полукругом охватила обе стороны очара, расположенного под навесом. Все присутствующие, затаив дыхание, обратили взоры на имама. Только Губаш сидел в тупом безразличии. Казалось, пудовой тяжестью

³ Дивмифический великан.

его одной нижней челюсти голова склонена на грудь. Лишь изредка исподлобья бросал он злые взгляды то в одну, то в другую сторону.

Муртазагеты с обнажёнными шашками стояли с двух сторон и позади него.

Спокойно, неторопливо, без тени возмущения стал говорить имам:

– Этот странный человек, представший перед судом, совершал и может совершать в дальнейшем тяжкие преступления. Я не сомневаюсь и в том, что в этом живом нагромождении мяса и костей очень мало мыслей, несмотря на большой, подобный котлу, череп. Мне приходилось встречаться с людьми, которые имели три степени умственного развития. Первые понимают жизнь и происходящее вокруг собственным умозаключением. Вторые начинают понимать тогда, когда им объяснят или обучат. Третьи, правда, их немного, ничего не понимают и не способны понять даже после многократных пояснений и внушений. Среди последних есть безопасные и опасные. Их можно удержать в повиновении устрашением. К ним относится Губаш. Но он тем более опасен, потому что неустрашим благодаря своей силе. Ему и подобным чужды понятия «совесть», «честь», «долг», «милосердие», «сострадание». Они склонны к жестокостям даже по отношению к близким. Шамиль обратился к судьям: – Вы предлагаете вынести ему смертный приговор?

– Иного выхода нет, – сказал сельский мулла.

– Давайте сделаем иначе, – предложил Шамиль. – Поскольку у вас нет прямых улик в доказательство того, что он сворачивает головы людям, а вы только предполагаете, лишим его зрения и тем самым возможности нападать на жертвы. Если после этого случаи не повторятся, значит, подозрения ваши не напрасны и он будет наказан.

Никто не стал возражать.

Секретарь имама, записывающий всё, поднёс бумагу с предложением Шамиля для подписи всем членам открытого суда. Пока приговор приводили в исполнение, секретарь вручил копию приговора сельскому кадию.

Губаш, после того как ему выкололи глаза, долго лежал напротив очара, закрыв лицо огромными ручищами. Вокруг стало пусто. Только любопытная детвора на цыпочках подкрадывалась к нему и на расстоянии со страхом поглядывала на живую гору.

Когда послышался голос муэдзина, Губаш поднялся. Аркан и верёвки сразу же после исполнения приговора были сняты с него. Вытянув несоразмерно длинные руки вперёд, он двинулся, тяжело и неуверенно ступая: ни в момент казни, ни теперь он не издал ни звука. Люди шарахались от него в стороны. Только одна старушка, согнутая бременем долгой жизни в дугу, подошла к Губашу. Высохшей когтистой рукой она вцепилась в палец великана и, пробормотав что-то, повела его к дому.

Три дня Губаш не выходил из дому. Бездумное, неусыпное зло клокотало в его душе, томимой жаждой мести. Он бесцельно бродил по двору, скрежетал зубами, превращая в щепки и обломки всё, что попадалось под руку.

Три дня не выходил из дому и Шамиль: из-за непрерывных проливных дождей он вынужден был задержаться в Чуамиклы. На четвертый день имам поздно возвратился из мечети. Отказавшись от ужина, рано лег спать. В полночь проснулся от толчка. Вскочив с постели, схватился за предмет, коснувшийся его.

– Кто здесь?

Вместо ответа раздался звук, подобный рычанию, после чего послышался шум резкого движения и сильный глухой удар. Шамиль едва различил что-то огромное, чёрное. Он не усомнился, что это человек. С удивительной ловкостью и быстротой неизвестный стал бросаться то в одну сторону, то в другую, нанося удары кинжалом. Шамиль никого не позвал на помощь. Это было молчаливое единоборство. Плохо ориентируясь в темноте, он изворачивался от нападающего, буквально ускользая из-под его рук.

В саклю вбежали разбуженные шумом муртазаге-ты, которые спали в соседней комнате. Они схватили неизвестного и с трудом удерживали его, пока хозяин принёс зажжённую лампу. Два окровавленных человека в одежде, изорванной в клочья, предстали перед ними. Когда Губаша стали выволакивать из сакли, он закричал:

– Ну как, имам, почувствовал силу Губаша?

– Надеюсь, и ты убедился в ловкости Шамиля, – ответил имам.

Около двадцати ранений оказалось на теле Шамиля. Они были мелкими, и имам не стал откладывать отъезд. Жители Чуамиклы очень сожалели о случившемся, а также о том, что имам не вынес Губашу смертного приговора.

– Ничего, – сказал кадий, – мы это сделаем сами, теперь с Губашем легче будет справиться.

Имам вернулся в Дарго. Не успел он поправиться от ран, как вновь явились представители от чиркеевского народа.

– Твой приход необходим, – сказал Иса, – пока некоторые люди окончательно не разложились и не перешли на сторону неверных, которые собираются возводить укрепление возле нашего аула.

До уборки урожая оставалось много времени, потому имам разослал гонцов к наибам, чтобы они спешно явились с ополчением для выступления.

Когда войско собралось, имам пошёл в Дагестан. По пути ему пришлось усмирить поднявшуюся против него знать аула Цуботль. Затем свернул на Чиркей и, остановившись лагерем на виду у селения, отправил для переговоров с жителями посольство с Юнусом во главе.

Чиркеевцы со старейшими собрались на сельской площади. Люди разделились надвое во мнении, чьей стороны придерживаться. Местная знать предлагала подчиниться наместничеству. Они говорили о силе и мощи царской армии, приводили в пример разрушенную цитадель имама Ахульго.

– Наш аул они перевернут как пустую корзину. Шамиль нам ничего не принесёт, кроме горя и разорения, – говорил один из богачей.

Тогда вышел вперёд Юнус и сказал:

– Мусульманин, зачем грешишь перед Аллахом? Наш имам не обманывает вас и не подкупает деньгами и дарами, как гяуры. Наша цель утвердить то, за что боролся великий Пророк. Но, если среди вас есть такие, которые не желают признавать шариат, пусть уходят, уходят с миром туда, где их ожидает неминуемая гибель. Те же, кто считает себя истинными мусульманами, пусть остаются, переходят на нашу сторону и делают то, что делаем мы.

После выступления Юнуса большинство мужчин и особенно молодёжь отделились от толпы и отправились в лагерь имама. Шамиль вошёл в Чиркей. Здесь он выступил с проповедью в мечети. Число добровольцев, вступивших в его отряды, заметно увеличилось.

Пополнив свои войска, имам двинулся на Ишкарты. Этот аул считался владением командующего силами Северного Дагестана. Здесь же находилась резиденция Абу-Муслим-бека – брата шамхала Тарковского.

Командующий Линией, узнав о намерениях Шамиля, отправил в Ишкарты Ахмед-хана Мехтулинского с ополчением и роту солдат из Темир-Хан-Шуры. До их подхода имам Шамиль разделил свои силы на три отряда и с двух сторон двинул их на кумыкское селение. Третий отряд он направил против солдат и ханского ополчения, которые заняли позицию возле шуринской дороги.

Завязался бой, мюриды его выиграли, но взводу солдат вместе с русским офицером и ханом Мехтулинским удалось проникнуть в укреплённый дом Абу-Муслима. Помогла наступившая ночь.

На рассвете чиркеевский отряд во главе с Юнусом окружил обнесённый каменной стеной дом. Словно ящерицы, поползли мюриды со всех сторон на высокий забор, ловко, один

за другим, спрыгивали во двор... Все защитники дома бека пали. Только хозяину вместе с офицерами и мехтулинским ханом удалось спастись через подземный ход. Ишкарты был взят. Рота и ополченцы, занимавшие туринскую дорогу, отступили.

Шамиль решил идти на Эрпели – с кадием-отступником у него были старые счёты. Это он ещё в те времена, когда Шамиль жил в Ашильте, послал к нему человека, дав яд, чтобы отравить имама. Этот кадий во все времена, как и кадий Араканский, оставался сторонником царского владычества в Дагестане. После падения Ахульго эрпелинский кадий, как человек, преданный наместнику Кавказа, был назначен правителем койсубулинских обществ. Он перенёс свою резиденцию в Гимры, хотя дом, имущество и скот оставались в Эрпели. В Гимрах он тотчас конфисковал дома, земельные угодья, сады, имущество, принадлежащие Шамилю, его дяде – покойному Барты-хану, а также другим родственникам и сподвижникам имама. Кадий был расстроен и зол, узнав, что Шамилю и некоторым преданным ему людям удалось скрыться и найти надёжное пристанище в Чечне.

Чтобы упрочить свою власть в Койсубу, сохранить награбленное и сослужить ещё одну службу царю, кадий решил попытаться покончить с неуловимым имамом. Сотой целью он пригласил к себе Ибрагима – сына дяди имама, покойного Барты-хана.

– Ты – двоюродный брат мятежника, который хочет стать падишахом в нашей стране, но никогда не сможет им стать без чьей-либо помощи. Своим миролюбивым поведением ты заслуживаешь доверие. Русский царь силен и богат. Сопротивление ему со стороны таких, как мы, подобно трепыханию зайца в лапах льва. Шамиль с пустыми карманами и десятками оборванцев – ничто по сравнению с состоятельностью, бесчисленными аскерами и мощными орудиями царя. Русские укрепляются в самых отдалённых уголках гор. Они воздвигают крепости в Хиде, Анди, Ботлихе, из которых будут стрелять по всем четырём сторонам. Рано или поздно Шамиль будет схвачен и убит. Какая разница, где и от чьих рук он падет, коль это должно случиться непременно. Влиятельные люди поручили мне убрать его с этого света с твоей помощью. Ты поедешь в Чечню как родственник, улучив момент, всыпешь яд в его пищу. Никто не узнает, от чего он умрёт, а ты будешь вне подозрения.

Ибрагим изменился в лице, но слушал молча, а кадий продолжал:

– За это вернём тебе дом, сад, виноградник. Царский сардар осыплет тебя дарами, и станешь ты жить не хуже шамхала Тарковского. Чем прозябать до конца в нищете, не лучше ли сделать дело, полезное для тебя и других... Ты ведь совсем молод, только начинаешь жить, поразмысли.

– Я подумаю, – сказал Ибрагим, поднимаясь.

Выйдя от кадия, он хотел было пойти домой, но потом, передумав, неторопливо пошёл вниз, в долину. До заката солнца сидел в раздумье на берегу бурного потока. Только к вечеру вернулся домой опечаленный. Мать, идя навстречу, спросила с тревогой:

– Сын мой, где ты был? Не пришёл обедать, в лице изменился...

– Ничего, мама, не беспокойся, у меня разболелась голова, прилёт на травке на берегу реки и уснул.

Мать поставила перед сыном миску с горячим супом, положила пресную лепешку.

– Ешь, Бог даст, пройдёт головная боль.

Ибрагим, съев несколько ложек супа, отодвинул миску.

– Не нравится? Принесу брынзы, ничего больше в доме нет, – сказала женщина, поднимаясь.

Ибрагим удержал её:

– Не надо, мама, я сыт.

Мать, присев, посмотрела на сына с грустью. Глянув на неё, Ибрагим сказал:

– Скоро мы станем богатыми. Нам возвратят дом, земли, меня осыплют золотом, и станем жить не хуже ханов.

– Дай Бог, сынок, дай Бог. Но кто и за что всё это даст?

– Новые правители. За то, что я отравлю Шамиля.

– Сына Доного?

– Да, мама.

– Не мать я тебе отныне, уйди из дома, чтобы глаза мои не видели братоубийцу! О великий Аллах! Если бы знала, что вскармливаю грудью змеёныша, придушила бы в колыбели. Я сейчас же отправлюсь в Чечню, чтобы предупредить имама.

Видя гнев, страдание и решимость в глазах матери, Ибрагим подошёл к ней и ласково сказал:

– Прости меня, мама. Я хотел узнать, не жалеешь ли о потерянном, не тяготишься ли в нужде.

Мать, заплакав, сказала:

– Нет, сын мой, после тех, кого потеряла в Ахульго, ничего не жаль. Боюсь, чтоб нечестивцы не соблазнили тебя, не заставили свернуть с пути, по которому шёл отец.

– Ну что ты, мама, разве я без головы?

– Сынок, иногда люди взрослые, умудрённые знаниями, теряют головы... Поезжай лучше к Шамилю и останься там, он заменит тебе отца и брата.

Ибрагим рассказал матери обо всём, что говорил ему гимринский кадий.

– Тем более воспользуйся случаем, пообещай сделать чёрное дело, – настаивала мать.

На другой день Ибрагим явился к кадию.

– Я согласен, могу выехать хоть сегодня, – сказал он.

Кадий дал ему денег и порошок, завёрнутый в тряпицу.

Ибрагим приехал в Дарго в тот день, когда имам вернулся из Чуамиклы. Шамиль обрадовался родственнику. Он сразу же спросил двоюродного брата о событиях, происшедших в Цельмесе, поскольку до него дошли слухи о ссоре Хаджи-Мурада с Ахмед-ханом Мехтулинским и русскими. Ибрагим рассказал:

– Подробностей и причин ссоры правителя Хунзаха со своими союзниками не знаю, но люди говорят, что Хаджи-Мурад был арестован по доносу Ахмед-хана. Когда его вели в Шуру, он прыгнул с кручи и сломал ногу. Его нашли и укрыли в своём ауле цельмесцы. Один из генералов стал звать его в Шуру. Хаджи-Мурад не пошёл. Тогда послали отряд гяуров, чтоб взять его силой. Произошло сражение, в котором генерал и солдаты были убиты цельмесцами.

При этих словах лицо Шамиля осветилось улыбкой радости.

Но затем, когда гимринский гость рассказал о поручении кадия и других новостях с родины, Шамиль усмехнулся и произнёс, размышляя:

– Ничего, с помощью Аллаха я ещё доберусь до них.

С тысячным отрядом мюридов имам направился в Дагестан через кумыкскую равнину, по дороге встретив отряд чиркеевцев. После того как были приведены в покорность несколько кумыкских аулов, чиркеевцы попросились домой, поскольку наступила пора уборки урожая. Шамиль отпустил их, а сам с остальными людьми двинулся к Мехтулинскому ханству. Не заходя в резиденцию хана Жунгутай, имам ограничился уничтожением посевов на полях и поднялся в Ихали. Жители аула встретили его радушно. Шамиль решил отдохнуть здесь несколько дней. К вечеру в Ихали приехал человек, увешанный дорогим оружием, на прекрасном коне. Он назвал себя Мухаммедом из Мупгули и попросил свидания с имамом.

– Впустите, – сказал Шамиль.

Мупгулинец после рукопожатия сел и стал рассказывать:

– Я поспорил с Ахмед-ханом. Он ведёт себя хуже последнего гяура. Окончательно разорил податями сельчан. В самую горячую пору созывает людей на покос и жатву своих хлебов. После того как вы уничтожили посева, он ещё больше увеличил налоги. Я не вынес этого, проник в его дом, забрал самое дорогое оружие и увёл коня, всё это приношу тебе в дар.

Имам сказал:

– Благодарю, краденое оружие и коня оставь себе, они пригодятся. Своим сторонником и приближённым сделаю тебя после того, как испытаю в борьбе против тех, от кого ты бежал. А пока иди и делай то, что делают рядовые.

За перебежчиком была установлена слежка. Мушулинец вел себя подозрительно. Он сторонился всех, казался замкнутым, задумчивым, всё время следил взглядом за имамом. Муртазагеты старались не допускать его близко к Шамилю и усилили охрану у дома. В одну из ночей он внезапно исчез. Никто не знал, куда делся мушулинец.

Но поистине за худой вестью следуют добрая. Из Цельмеса к имаму прискакал гонец с письмом. Когда Шамиль развернул его и пробежал глазами первую строку не поверил. Перечитал снова. Прочёл всё письмо:

«Письмо от раба божьего Хаджи-Мурада имаму Шамилю. Я частично удалился от учения нашего пророка Мухаммеда, следовал советам отступников и неверных. Теперь раскаиваюсь сердечным раскаянием. Меня постигла заслуженная божья кара. Люди лжи, клеветы и неверия унизили меня последним унижением, так что я вынужден был с целью самоубийства кинуться в пропасть. Но Аллаху не угодна была моя смерть. Я отделался переломом ноги и остался хромым навсегда. Но эта хромота только прибавила ненависти к врагам. Ловкости и силы не лишила. Меткий глаз и крепкая рука ещё смогут кое-что сделать. Если ты согласишься на мир со мной, мои действия не будут обращены в бесполезность.

Хаджи-Мурад».

Имам тут же посоветовался с наибами, дал им прочесть письмо Хаджи-Мурада и сказал:

– Если мы примем его, в проигрыше не будем, а выигрыш очевиден: половина Аварии пойдёт за ним, в чём я не сомневаюсь. С ним мы очистим от гяуров большую часть вилаета.

Ахвердиль-Магома поддержал имама. И остальные наибы согласились.

Имам призвал секретаря и стал диктовать ответ Хаджи-Мураду:

«От раба божьего Шамиля! После приветствий спешу сообщить, что получили твоё письмо и поняли твоё желание. Выражаем наше сочувствие по поводу увечья, радуемся тому, что ты прозрел и отошёл от тех, от которых следовало давно отойти. Если ты стал в полной мере чтить святую волю единого Бога, приди к нам, чтобы делать то, что мы делаем в доказательство своих слов».

С письмом имама гонец ускакал в Цельмес. Через три дня в сопровождении десятка нукеров Хаджи-Мурад прибыл в Гельгерген. Подъехав к дому, где остановился имам, он ловко соскочил с коня и, заметно прихрамывая, вошёл в распахнутую дверь. Шамиль поднялся навстречу. После приветственного рукопожатия он отступил на шаг и, восхищаясь молодецкой выправкой Хаджи-Мурада, сказал:

– Несмотря на всё, ты имеешь такой внешний вид, который не требует прикрас.

Когда гости и хозяева расселись на ковре, Хаджи-Мурад спросил Шамиля:

– Был ли здесь мушулинец Мухаммед?

– Да, был, но как-то подозрительно себя вел, а потом внезапно исчез, – ответил имам.

– Так знай, – сказал Хаджи-Мурад, – этот человек был прислан Ахмед-ханом, чтобы убить тебя, а потом меня. Прибыв в Цельмес, он явился ко мне на рассвете и неожиданно набросился, когда я был ещё в постели. Успев выхватить кинжал из-под подушки, я нанёс ему удар, от которого он больше не поднялся. Умирая, мушулинец признался во всём. Он просил простить его и ещё сказал: «Порви с гяурами и отступниками навсегда, иди по пути истинной веры. И ещё попроси имама, чтобы он тоже простил меня».

– Я не сомневался, что человек этот явился со злым умыслом, но, видимо, в душе его боролись два чувства, и только перед кончиной чувство справедливости взяло верх, – сказал Шамиль.

После ужина Хаджи-Мурад долго делился с имамом и его приближенными хабарами⁴.

– Ханша Хунзаха боялась в равной мере и русских, и Гази-Магомеда, но русские сохраняли за ней права и привилегии, помогали деньгами. Когда она узнала о намерении имама Гази-Магомеда, меня и своего сына Нуцал-хана, отправила в Тифлис к наместнику с просьбой оказать ей помощь. Но проклятый генерал не принял нас и ничего не обещал, а его наибы стали спаивать Нуцал-хана и водить к полуобнажённым женщинам, одна из которых в присутствии всех пыталась его обнять, но молодой хан увернулся. Они окуривали нас дымами, от которых меня тошнило. Нуцал-хана учили играть на деньги в бумажную игру. Я тогда понял, что гяуры люди хитрые, коварные, а женщины их – бесстыжие блудницы. Мы ушли ни с чем. Я сказал Нуцал-хану, что они чужие для нас и что нам лучше идти с теми, кто близок по вере и роду.

Нуцал-хан уговаривал мать, но ханша не хотела быть в подчинении бывшего узденя Гази-Магомеда и чайка Гамзата. А потом случилось то, что вы знаете.

– Всё это должно было случиться неизбежно. От суда и своего часа никому не уйти. Мы думаем одно, Аллах делает другое. Так будет и впредь, ибо никто не знает, что предначертано каждому Всевышним, – сказал имам, когда Хаджи-Мурад, тяжело вздохнув, умолк.

После некоторого молчания Юнус спросил:

– А правда ли, что хан Мехтулинский ещё до мушулинца подсылал к тебе убийцу за то, что ты отказался участвовать в погоне за Шамилём?

– Не только поэтому, вражда между ним и мной давняя, – ответил Хаджи-Мурад. – Он считал меня повинным в том, что хунзахская ханша не выдала за его сына свою дочь Султанат. А когда после убийства имама Гамзата меня сделали временным правителем Аварии и возвели в чин прапорщика, он взбесился. С того дня вместе с оружием я носил саван за плечами в ожидании смерти. Но смерть поворачивалась лицом к моим врагам. Расправившись с наёмными убийцами Ахмед-хана, я написал ему: «Если ты достоин носить папаху, не нанимай за деньги слабых душой. Приди сам. Лишь скрестив клинки, мы оценим силу друг друга».

Он не явился, стал писать доносы начальству в Шуру. Лгал, что я запрещаю сельчанам давать солдатам дрова и кизяк, молоко, сыр, мясо. Он обвинял меня в тайной связи с тобой, имам, говорил, что своевольными действиями в критические минуты я способствовал успеху мюридов. Генерал не поверил ему, велел не трогать меня. Когда же генерала отозвали на время из Шуры в Тифлис, Ахмед-хан явился в Хунзах. Он приказал солдатам, служившим в крепости, схватить меня. Они явились ночью в мой дом, взяли безоружного. Сначала отправили в крепость, а на рассвете, привязав ремнями к лошади, повели вниз. Только мать и жена с воплями бежали за мной. – Хаджи-Мурад говорил тихо, не поднимая головы. – Я шёл без папахи, палило солнце, мучила жажда, попросил у ближнего солдата попить.

Хаджи-Мурад прервал рассказ. Видно было, что он очень волновался – капли пота выступили на большом выпуклом лбу. И вдруг он поднял голову – широко расставленные глаза сверкали гневом.

– Тогда проклятый солдат подошёл ко мне и стал мочиться на полу моей чухи. Что со мной было дальше, плохо помню, ибо зло затмило разум. Я рванулся сначала к солдату, он отпрянул. Мы шли около Могоеха, где дорога была особенно узкой. Тогда я кинулся в пропасть. К счастью, оборвались ремни. Солдат хотел схватить меня, но я увлёк его за собой в бездну. Что было дальше, не помню.

Хаджи-Мурад опять перевёл дыхание. Тяжело ему было всё это вспоминать.

– Пастух, который нашёл меня, рассказывал, что я долго был без сознания, а солдат сразу же умер.

– Слава Аллаху! – воскликнул Ахвердиль-Магома.

– А что было дальше? – с нетерпением спросил Юнус.

⁴ Хабары – разговоры.

– Я долго лежал. Рёбра зажили раньше, а нога не заживала. Когда я поправился, остался в Цельмесе. Хунзахцы приходили, просили меня вернуться, но мать и жена не посоветовали. Просил и генерал Клюгенау прийти к нему в Шуру Я отказался. Письма его сохранил, сейчас прочту вам.

Хаджи-Мурад снял папаху отвернул подкладку, достал две бумажки. Развернул одну, затем другую.

– Вот первое: «Салам и множество добрых пожеланий прапорщику Хаджи-Мураду! Я знаю, что ты служил нам верой и правдой, что доказывал не раз на деле. Генерал-майор Ахмед-хан Мехтулинский поступил с тобой нехорошо. Я знаю, что ты не изменник, не сторонник Шамиля. Тебя арестовали. Ты бежал. Мне трудно судить, не поговорив с тобой. Если ты верен нам, предан царю и совесть чиста перед Богом, приезжай ко мне, никого не бойся. Я твой покровитель и защитник. Ахмед-хан под моим началом, он понесёт наказание после твоего объяснения, если ты не виновен. Я сдержу своё слово, Бог будет тому свидетель».

– Клятву и Богу, и шайтану они дают одинаковую, – заметил старик, хозяин дома.

– Я ответил ему, что прийти не могу, поскольку действиями хана унижен, а солдатами обещан. Тогда генерал прислал второе письмо: «Послание твоё получил. Напрасно не приезжаешь. Уверяю, все твои обидчики будут наказаны. Законы нашей империи строги и справедливы. Я приказал начать расследование твоего дела. Недоверие ко мне обижает меня, но я прощаю, ибо вы, мусульмане, предубежденно относитесь к нам. Но дай Бог, чтобы ты мог убедиться в чистоте моих помыслов! Отбрось сомнения и приезжай. Твоё имущество будет возвращено, положение восстановлено. Человек, который доставит это письмо, будет твоим проводником. Жду». – Хаджи-Мурад аккуратно свернул письма, сунул под подкладку и, надев папаху, сказал: – Я ответил проводнику, что не пойду с ним. «Иди, скажи своему генералу, – сказал я, – что не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу Ахмед-хану. Делать это с помощью русских я не буду».

– Ты правильно поступил, – одобрил Ахвердиль-Магома.

Имам молча слушал рассказ Хаджи-Мурада. Когда тот закончил, заметил между прочим:

– Кто не отважится на опасности, тот не достигнет желаемого...

– Я готов на всё, – подняв голову, решительно сказал Хаджи-Мурад, – дай мне небольшие силы. Присоединив своих людей в Аварии, я покажу Ахмед-хану путь к недрам ада, как показал тому генералу и его солдатам, которые попытались захватить меня в Цельмесе.

– Ладно, – ответил имам, – я сделаю так, как ты хочешь, да будет Аллах сопутствовать тебе, умножая успехи во имя газавата.

Утром, возвратившись из мечети, Шамиль сказал Хаджи-Мураду:

– Было бы неплохо, если бы ты обратился с воззванием к обществам Аварии.

– Я готов, – ответил Хаджи-Мурад.

Под диктовку имама секретарь написал, а писари размножили воззвание такого содержания:

«Именем Аллаха! Идёт мой приказ, а я раб Всевышнего. Теперь прозрел и присоединился к людям мужественным. Они способны влиять на каждого сопротивляющегося. Принимают справедливые меры к тем, кто противодействует шариату. Так буду поступать впредь и я. Пусть те, чьи души порочны, как была порочна моя душа, следуя моему примеру, посвящают себя Аллаху. Мир над внимающими этим словам! В противном случае их постигнет заслуженная кара. Они будут уничтожены карающим мечом или чёрным мором, исходящим в наказание от самого Аллаха. Если вы раскаетесь и станете на путь праведных, вас ждёт милость Аллаха. Кроткие по отношению к правоверным будут суровы и беспощадны к отступникам. Во главе с имамом мы явимся с несметным количеством войск, которым вы не сможете противостоять. Готовьтесь! Мир над вами до дня воздаяния».

К этому воззванию имам присоединил письма, их гонцы должны были доставить по пути в селения, жители которых всегда становились на сторону Шамиля. Имам писал:

«Истинные мусульмане! Благородные братья! Да хранит вас Аллах! Будьте упорны, ждите и молитесь. Я скоро приду. Истинно Аллах отвратит врагов наших и творящих зло. Не повинуйтесь чувству страха, не ослабевайте и не печальтесь, ибо вы будете возвышены. Мир над теми, кто следует по истинному пути!»

Гонцы повезли воззвание Хаджи-Мурада и обращение имама к аварскому народу. А через два дня и сами направились в Цельмес, расположенный недалеко от Хунзаха.

Разведчики отступников проследили и донесли об этом мехтулинскому хану. Поход на Цельмес Ахмед-хан отложил. Имам, не задерживаясь в Цельмесе, пошёл на Хунзах. Жители ханской столицы, узнав о переходе Хаджи-Мурада на сторону имама, изменили своё отношение к нему. Они выслали навстречу своих представителей, которые заявили Шамилю, что все готовы подчиниться, если во главе их вновь будет поставлен Хаджи-Мурад. Они обещали утвердить у себя шариат и просили имама, чтобы он прислал к ним учёного.

Начальник гарнизона Хунзахской крепости, узнав о движении мюридов, ещё накануне под покровом тьмы ушёл и присоединился к русскому гарнизону. Хаджи-Мурад на прекрасном скакуне Ахмед-хана, которым мушулинец хотел подкупить имама, а затем бежал на нём в Цельмес, въехал в Хунзах рядом с Шамилем.

Имам выступил перед народом, собравшимся на площади:

– Мусульмане, отныне вас поведёт тот, кто сам заблуждался и понял, что нет иной дороги, как дорога Всевышнего и пророка Мухаммеда. Да будет вечно имя его! Мир вам и благословение Божие!

Шамиль не стал задерживаться в Хунзахе. До него дошла весть о наступлении войск противника на кумыкский аул Янги-Юрт. Там была оставлена пехота имама перед выступлением в Дагестан. Когда ушёл оттуда Шамиль с кавалерией, местная знать подняла жителей аула против чеченского ополчения. Одновременно она направила человека в ближайшую крепость к русским, прося помощи и защиты от мюридов. Пехота Шамиля была вынуждена уйти из селения. На равнине она встретила отряд русских. Простояв несколько часов, противники разошлись, не сделав ни единого выстрела. Чеченские ополченцы укрылись в ближайшем лесу в ожидании прихода имама. Шамиль, возвратившись, соединился со своей пехотой и пошёл в наступление на Янги-Юрт. Знать, а за ней и простые жители селения сбежали. Мюриды забрали всё, что оставалось после бегства янгиюртцев, а дома сожгли.

Из Янги-Юрта имам вновь направился в Чиркей и Каранай. Собрав мужчин этих аулов, он составил два отряда конницы. Во главе чиркеевского поставил преданного ему Али-султана. Каранаевцев возглавил сын Барты-хана Ибрагим. Эти два отряда имам отправил в Гимры для расправы с кадием. Сам через Ашильту двинулся на Ахульго. Проехав мост перед подъемом на знаменитую цитадель, он остановил коня. На строгое, спокойное лицо его легла тень печали. С грустью озирает он руины башни Сурхая на Шулатлулгохе и жалкие развалины Ахульго. Страшные картины трёхмесячной осады угрюмой чередой мелькали перед ним. Образы родных, близких, друзей-великомучеников, павших смертью храбрых год тому назад на этом месте, воскресали в памяти на миг и вновь исчезали в тумане минувшего.

Приближённые, муртазагеты, мюриды и те ветераны, слава которых не была погребена под этими горами камней, тоже стояли в молчании, вспоминая недавние битвы. Когда предводитель тронул коня, они двинулись следом, не стараясь избавиться от власти гнетущих дум. Только бешеная Койсу не прекращала воинственного, грозного шума у неприступных стен горы Набатной. Но вдруг имама вывел из состояния задумчивого оцепенения новый гул – шум

голосов, похожий на тот, что властвовал здесь до дней печали. Шамиль вздрогнул от этой неожиданности. Казалось, голоса доносились из недр горы. Не с ума ли он сошёл, вспоминая страшное былое? Как же обрадовался он, когда увидел людей среди развалин, таких же серых и жалких, как руины. Они вылезали из пещер, бежали с радостными криками навстречу.

Имам сошёл с коня, обратив взор к небу, помолился. Уцелевшие жители аула-крепости – старики, измученные женщины и несколько ребятишек с радостью окружили мюридов. Шамиль, после того как обласкал всех словами, обратился к Юнусу:

– Всё, что ты взял с собой, и то, что было пожертвовано мечети, раздай поровну этим людям.

Своим воинам имам предложил отдать лишнее из одежды, ибо несчастная горстка уцелевших ахульгинцев была одета в рвань из овечьих шкур.

После молитвы в полуразвалившейся мечети один из стариков-ахульгинцев подошёл к Шамилю и сказал:

– Слава Аллаху, что он вновь привёл тебя к нам, жалким и покинутым, как эти камни. Я рад, что дожил до этого дня и теперь могу вернуть в сохранности то, что принадлежит тебе. Пойдём.

Шамиль и несколько муртазагетов последовали за стариком. Они шли по камням, по развалинам. Имам видел, что старик ведет в сторону его бывшего дома. Теперь вместо ворот там, как два мертвых стража, стояли каменные столбы. Согнувшись, старик спустился под низкий навес, отгреб кучу старой потемневшей соломы, сильно потянув, открыл маленькую дверцу. Шамиль увидел вход в свою библиотеку. На тех же стеллажах ровными рядами, поблескивая сафьяновыми переплётами, стояли не тронутые никем книги. Имам еле сдержался, чтобы не обнять старика. Он снял со своей черкески серебряные газыри и, протянув их старику, сказал:

– Оружие мне ещё нужно, а это тебе пригодится, продашь.

Мюриды вынесли из подземного помещения все книги, сложили их в мешки и хурджины, а сам Шамиль с приближёнными и десятком муртазагетов пошёл к ущелью, где вместо спасения нашли гибель его вторая жена с сыном и другие раненые женщины. С помощью верёвочных лестниц он спустился в глубокую пропасть. На маленьком каменном островке он увидел скелеты женщины и ребёнка. Рядом лежали останки ещё двух женщин. Остальных, видно, унесли бурные воды Койсу во времена паводка.

Шамиль читал заупокойную молитву.

Захоронение сделали на ахульгинском кладбище, где вместо могильных плит торчали неотёсанные камни.

Закупив в ближайшем ауле десяток баранов, Шамиль раздал их беднякам, чтоб помянули павших. В тот же день из окрестных сел пригнали тридцать ишаков, на которых погрузили мешки и вьюки с книгами имама. Под вооружённой охраной библиотека имама была отправлена в Чечню.

Шамиль двинулся в Гимры. Там он нашёл чиркеевца Али-султана и своего двоюродного брата Ибрагима, которые, оставив небольшое число воинов, распустили остальных по домам, потому что гимринцы изъявили покорность, да и бедствовали – не могли прокормить чиркеевское и каранаевское ополчение.

Эрпелинский кадий – правитель койсубулинских обществ – до прихода отрядов успел сбежать. Шамиль вернул дома, сады и земли всем тем, у кого они были отобраны кадием. В пятницу во время молебна одна из гимринских женщин вбежала в храм и закричала.

– Надвигается беда! Гяуры подходят к селению!

Муртазагеты и мюриды, прервав молитву, кинулись к двери, оголяя на бегу оружие. Имам с престарелыми учеными и муллою продолжали молиться. Через некоторое время в дверях появился Юнус.

– Идём быстрее! – крикнул он Шамилю. – Почему ты до сих пор здесь? Наши бегут, их теснят враги.

Они прошли через чёрный ход во дворе мечети. За саклями позади храма ждали осёдланные кони. Ни выстрела, ни криков не было слышно в ауле. Только топот ног и цоканье множества конских копыт доносились до слуха имама. Шамиль нагнал убегающих.

Мюриды укрылись в кустарнике, за которым начинался небольшой лесок. Солдаты, пришедшие из Шуры вместе с отрядом отступников, не стали их преследовать. Шамиль был взбешён поведением своих воинов. Выстроив их в шеренгу, он прошёлся вдоль и, выхватив из рук некоторых сотских ружья и пистолеты, побросал их в реку.

– Им лучше быть там, чем в руках тех, кто не умеет ими пользоваться в нужный час, – говорил он зло, но спокойно. – Стыдитесь, вы бежали, как дикие козлы, почуявшие дух хищника. Не сделали ни одного выстрела!

К Шамилю приблизился Ахвердиль-Магома. Доложил:

– Гонец из Саид-Юрта к тебе, имам.

– Пусть подойдёт, – ответил Шамиль.

Молодой человек соскочил с коня, неслышно ступая по мягкой траве, подошёл к Шамилю.

– Почтенный имам, – сказал гонец, – меня прислали старейшины сообщить, что Саид-Юрт окружён гяурами.

– Хорошо, мы придём, – ответил Шамиль.

Он тотчас отправил посыльных в Хунзах к Хаджи-Мураду, в Чиркей и Каранай-аул с приказом явиться с людьми к аулу Кильдаркин немедленно. И сам двинул небольшой отряд в ту сторону. Наутро они прибыли в Кильдаркин и дождались здесь прихода Хаджи-Мурада с хунзахцами и остальных. Отсюда имам повел своё войско в Саид-Юрт. Аул был занят русскими и ополчением шамхала Тарковского. После короткого штурма и небольшой схватки мюридам Шамиля удалось выбить противника из аула.

В Саид-Юрте имам почувствовал недомогание, озноб. Он решил вернуться в Дарго. Но поход свой считал незавершённым.

Ему хотелось еще свести старые счёты с предателями и отступниками Ансалья, ещё раз побывать в Гимрах.

Самочувствие ухудшалось. Тогда он призвал Юнуса, Ахвердиль-Магому, Хаджи-Мурада и сказал им:

– Силы покидают меня, мускулы ослабли, я уподобился улитке, которая ищет покоя, спрятавшись в скорлупу. Не знаю, когда Аллаху угодно будет изгнать из моего тела недуг. Как только это произойдёт, если суждено произойти, я вернусь к своим делам. А теперь вынужден поручить вам то, что хотел сделать сам с вашей помощью.

– Мы всё сделаем так, как ты скажешь, имам, и будем молить Аллаха вернуть тебе силы и мощь. Приказывай, – сказал Хаджи-Мурад.

– Надо идти в Ансаль, затем в Гимры, да будет вам сопутствовать удача, а я с чеченцами и Ахвердиль-Магомой потороплюсь в Дарю, пока не свалился окончательно.

Хаджи-Мурад с хунзахцами, чиркеевцами и каранай-цами направились к Ансалию. Оба отряда подошли к селению ночью. Под покровом темноты они вошли в аул, оставив коней за селом. Бесшумно пробрались к мечети. Два звонкоголосых мюрида поднялись на минарет, и вдруг полуночную тишину огласили торжественные певучие возгласы «ла-илаха-иллала», которые с нарастающей силой подхватывались горным эхом.

Разбуженные возгласами, странно звучащими в тишине ночи, ансальцы заметались в страхе. Одни плакали, другие, опустившись на колени, молились, третьи, хватая то, что попадалось под руку, бежали из аула.

На рассвете все простые жители Ансалья собрались у мечети. Увидев Хаджи-Мурада и Али-султана, старейшины дали слово принять шариат и больше не склоняться на сторону отступников и гяуров.

По совету имама Хаджи-Мурад и Али-султан назначили наибом Ансалья Идриса Андийского, помощником – Мухаммеда Чиркеевского. Оставив в Унцукуле небольшой отряд мюридов, Хаджи-Мурад с Али-султаном двинулись в Гимры, забрав с собой ансальских заложников.

Противника в Гимрах не оказалось. Не вернулся сюда и правитель Койсубу – кадий Эрпелинский. Тогда Хаджи-Мурад вернулся в Хунзах. Али-султан, отпустив каранаевцев домой, с односельчанами возвратился в Чиркей.

Вскоре до Шамиля стали доходить слухи о том, что Идрис Андийский притесняет жителей Ансалья, требуя имущество сбежавших отступников, и под этим предлогом, пользуясь властью, позволяет себе несправедливые действия против народа. Ропот и возмущение ансальцев перешли в открытый протест. Два унцукульца приехали в Дарго и доложили Шамилю, что шариат приводит к вражде и взаимным спорам между правителем и народом.

– Ты упрекал нас в том, в чём грешны твои люди, – сказал один из ансальцев. – Они делают то, что делали отступники, но более грубо и постыдно. Те из наших людей, которые прежде изъявляли желание признать шариат, теперь отказываются, поскольку этих законов не придерживаются законодатели. Если у тебя все такие, оставь нас в покое. Если же Идрис является исключением, убери его, иначе мы уберем сами.

Шамиль ответил:

– У меня нет оснований не верить вам. До меня и раньше доходили подобные слухи. Но я не могу решить судьбу того, кто поставлен над вами, по одной вашей жалобе. Мне нужно выслушать и другую сторону. Обозленные личными спорами либо принужденные к чему-нибудь во имя общего дела, люди могут по недомыслию, ненависти, зависти оговорить самого честного и преданного делу человека. Оставайтесь здесь. Я вызову Идриса и других. Скажите ему в глаза. Доказавший свою правоту будет оправдан, виновный – наказан.

Шамиль позвал к себе Кебед-Магому.

– Брат мой, – сказал имам, – благородный проникается любовью к себе подобному при первой встрече или знакомстве одного дня. Подлый человек не сближается ни с кем из-за страха или личной выгоды. Боюсь, что ансальский наиб может быть отнесён к последним. Для выяснения скрытых личных или открытых общих целей в правлении Идриса ты должен поехать в Унцукуль, выявить всё на месте, затем привезти его и других сюда.

Кебед-Магома выехал с небольшим отрядом мурта-загетов. Унцукульцы встретили его с радостью. Один из стариков, подойдя к Кебеду, сказал:

– Сын мой, мы не можем сейчас говорить о своих невзгодах, ибо они ничто по сравнению с горем, постигшим тебя. Убит твой дядя Дамада. Мы подозреваем, что это сделали люди Идриса. Сейчас наиб в мечети, не знаем, усердствует ли он перед Аллахом или хочет убедить народ в искренности богослужения, оставаясь там после окончания молитвы.

Кебед, тронув лошадь, направился к мечети.

Ансальский наиб действительно стоял на коленях – один в огромной мечети, продолжая молиться. Сняв у дверей сапоги, неслышно ступая по коврам, Кебед подошёл к нему и голосом, прозвучавшим как гром в пустом здании храма, произнес:

– Эй ты, ансальский кадий, – учёный, законовед, кому бьёшь земные поклоны? Аллаху или шайтану, с которым в дружбе твоя совесть?

Идрис встrepенулся, поднял побледневшее лицо и застыл.

– Можешь ли ты, – продолжал Кебед, – посещать мечеть? Держать в руках Коран и смотреть в глаза народа, к которому относишься с презрением? Не по тебе ли судят о тех, кто возвысил тебя над людьми, бессовестный мошенник и убийца?

– Помилуй, на каком основании ты наносишь мне оскорбления и кто дал тебе право поступать так? – Говоря это, наиб поднялся с пола и, пряча дрожащие руки за спину, попятился к маленькой боковой двери, которая вела в гужру⁵.

– Ещё смеешь возражать, клянусь Аллахом, я задушу тебя, свив верёвку из твоей бороды!

Идрис скрылся за дверью, не успев надеть башмаков. Там муртазагеты схватили его и вместе с помощниками повезли к имаму.

В состав суда вошли Ахвердиль-Магома, Кебед-Магома, Юнус, Шугаиб-мулла, Ташов, Джавад-хан и другие учёные и заслуженные люди. Они же являлись членами Государственного совета имамата.

Суд над унцукульским наибом Идрисом состоялся в просторном зале заседаний – диван-хане, который был построен при доме Шамиля. Это была большая квадратная комната, устланная коврами. У стены, противоположной двери, на подушках восседали члены суда. Перед имамом на небольшой тумбе лежал в роскошном сафьяновом переплёте Коран. На коврах у боковых стен сидели муртазагеты и отличившиеся воины. Стояли часовые с оголёнными шашками. Слева от дверей находились обвиняемые, справа – свидетели.

Кебед-Магома представил личному секретарю имама протокол расследования с показаниями тех ансальцев, которые не могли явиться на суд. И с обвинительной речью выступил сам Кебед, слова которого подтверждали свидетели, возложив руку на Коран.

Идрис и его помощники ничего не могли сказать в своё оправдание.

Слово предоставлялось каждому желающему высказаться. Имам слушал внимательно всякого, не перебивая, чуть склонив голову. Когда все высказали своё мнение, осуждающее поведение ансальского наиба и его помощников, заговорил имам.

– Идрис, я ошибся в тебе, – сказал он. – Не знал, что ты мне служил неправдой, угождал во имя скрытых целей. Таким людям, как ты, нельзя доверять власть, ибо они действуют не ради общего дела, а ради личной выгоды и наживы. Подобные тебе люди опаснее открытых врагов. Они, вызывая недоверие народа, возмущают его против утверждаемого строя. Таких людей надо сживать со света. Но, поскольку ты имел некоторые заслуги, проявил храбрость при сражениях в Чиркее и Гимрах, я не применю заслуженной казни, тем более что нет прямых улик, подтверждающих твою причастность к убийству Дамады.

Суд ограничится тем, что опустит тебя и твоих помощников ниже той ступени, на которую вас поднял Государственный совет имамата. Я предлагаю отправить вас на поселение в Акнада на десять лет.

После окончания заседания здесь же, на совете, было решено временно назначить наибом Унцукуля Маха-Хаджи из Кудутля.

Новый наиб, приехав на место назначения, собрал сход.

– Люди Унцукуля, те, которые были возвышены над вами, пользуясь своими правами, нарушали законы шариата. Они унижены, наказаны судом. Теперь я назначен сюда, вот фирман⁶, – сказал он, разворачивая бумагу и подавая её старосте Унцукуля. – Всякий наиб не есть безапелляционный судья от имамата. Он должен служить примером честности и справедливости при решении дел народа, над которым поставлен. Разумный правитель не будет делать и желать людям того, чего не хотел бы для себя. Так говорит имам. Всё, что у вас было отобрано Идрисом и его помощниками, будет возвращено. А дома, имущество и земли, принадлежащие

⁵ Гужру – потайная комната.

⁶ Фирман – указ.

им, будут розданы немощным старикам, бедным вдовам и сиротам. Так приказал Шамиль. И вы не судите о лучшем из мусульман по людям колеблющимся, неверным, способным на мошенничество и обман. Имам ведёт себя как гость на этом свете. Его путь – чистый путь шариата. Он старается вести всех заблуждающихся по этому пути, не возвышаясь, не ограждаясь, не угнетая. Он бескорыстен и правдив. С презрением относится к жёлтому и белому металлу, перед блеском которого не могут устоять не только простые смертные, но и многие владыки. Давайте будем следовать по его пути, сметая тех, кто хочет препятствовать.

Многие старики, выступив, поддержали Маха-Хаджиява. Одни успокоились, другие, особенно бедняки, обрадовались. Однако Маха-Хаджияву недолго пришлось править в Унцукуле. Бежавшая ранее местная знать стала постепенно возвращаться, требуя своё имущество, дома и земельные угодия. Некоторые из них тайно отправили своих людей звать на помощь отступников и царские войска. В Унцукуль внезапно явился Ахмед-хан Мехтулинский, который сообщил о движении многочисленного отряда русских. Хан хотел схватить Маха-Хаджиява и муртазагетов, но жители Унцукуля, узнав об этом, вышли навстречу Ахмед-хану и заявили:

– Если кто-либо из богачей или тех, кто явился им на помощь, причинит хоть малейший вред наibu Маха-Хаджияву и его помощникам, оружие будет оголено!

Тогда мехтулинский хан оставил свое намерение. Унцукульцы выделили вооруженных людей, которые проводили Маха-Хаджиява с помощниками в Чечню.

Глава вторая

В 1840 году весь край, расположенный между реками Сунжа и Андийским Койсу, признал власть Шамиля. Только правителю Хунзаха, перешедшему на сторону имама, не удалось удержать за собой бывшую ханскую столицу.

Оставив семью в Цельмесе после поражения под Хунзахом, Хаджи-Мурад отправился в Чечню. Имам сделал его наибом общества Анди. Узнав, что Шамиль собирается в поход, Хаджи-Мурад предложил свои услуги. Но имам сказал:

– Мы пойдём вниз, в противоположную сторону, войска достаточно. Ты сначала завоюй сердца новых подданных, сплоти их вокруг себя и жди нашего прихода наверх.

С десяти тысячным отрядом Шамиль направился к Назрани. Наиба Малой Чечни Ахвердиль-Магому с двумя тысячами отборных чеченских всадников послал в Малую Кабарду. Ахвердиль-Магоме удалось прорваться на Военно-Грузинскую дорогу. Он напал на русское поселение Александровское, разорил его, захватил много скота, пленных и хотел было повернуть обратно, но части Владикавказского гарнизона успели подойти и отрезали путь. Ахвердиль-Магоме удалось вырваться из окружения с потерей всей добычи и части своей кавалерии. Теперь думать о Малой Кабарде наиб Шамиль не мог. Удручённый постигшей его неудачей, он спустился к дороге на Моздок, где напал на обоз, следовавший в Ставрополь. Вместе с ним под охраной солдат и гражданских вооружённых конников катила дорогая карета.

Увидев спускавшихся к дороге горцев, празднично разодетые верховые ускакали к городу. Солдаты охраны сначала попытались сопротивляться, вскинув винтовки. Их воодушевил пушечный залп, грянувший с крепостных стен Моздока. Однако помощи не последовало. Мюриды не остановились. Видя бессмысленность сопротивления, солдаты опустили винтовки. Ахвердиль-Магома, намеревавшийся напасть на город, решил ограничиться захватом обоза и направил его вверх, в чеченские горы. Двигались быстро. Разоружённые пешие солдаты едва успевали за подводами и каретой.

Только к исходу дня, переступив границу чеченской земли, Ахвердиль-Магома сделал привал. Наиб сошёл с коня и направился к карете. Через опущенную занавеску ничего не было видно. Он распахнул дверцу и ошеломлён, ослеплённый. Открытой стороной карета оказалась обращённой к западу.

Лучи заходящего солнца осветили двух роскошно разодетых женщин, которые в испуге жались друг к другу. Одна, постарше, в строгом бордовом бархатном платье, с пышным узлом выющихся золотистых волос. Вторая, молоденькая брюнетка в длинном белом платье, украшенном кружевами, в дорогой фате с бриллиантовой диадемой. Самоцветы сияли в ушах, на белой шее, нежных пальчиках, запястьях, но всё это блекло перед её красотой, сиянием глаз, похожих на два агата.

Наиб отошёл, прикрыв дверцу. Он не мог прийти в себя. Никогда в жизни никого подобного не приходилось ему не только видеть, но даже представить в воображении. От настроения, подавленного неудачей экспедиции, не осталось и следа. Он разыскал своего оружейника, бывшего польского офицера, владевшего аварским языком и хорошо знавшего русский.

– Слушай, Казимир, – обратился к нему наиб, – в том домике на колёсах, – Ахвердиль-Магома указал на карету, – сидят две гурии, как райские птички в клетке. Пойдём, поговорим с ними, может быть, это дочери самого царя урусов.

Казимир последовал за Ахвердиль-Магомой и, открыв дверцу, сразу понял, что одна из женщин – чья-то невеста.

– Здравствуйте, сударыни!

Услышав русскую речь от человека, одетого в горскую одежду, женщины восторжались. Старшая пришла в себя первой, она гордо откинула голову, сжала губы, надменно глядя на неизвестного.

Невеста растерянно ответила:

– Здравствуйте, господин абрек!

– Скажите, кто вы и куда следовали? – спросил Казимир.

Старшая продолжала молчать, пленница в белом доверчиво ответила:

– Я дочь моздокского купца первой гильдии Улуханова. Это моя бонна – англичанка.

– Разве вы не русская? – спросил Казимир.

– Нет, армянка.

– Куда ехали в подвенечном платье?

– К жениху в Ставрополь.

– Жених из купцов или дворян?

– Он генерал.

– Как фамилия его?

– Пулло.

– Что она говорит? Случайно это не дочь того Пулло, который сражался с нами и вёл переговоры с имамом под Ахульго? – спросил взволнованно Ахвердиль-Магома.

– Нет, – ответил Казимир, – это его невеста, вместе с оказией мы захватили свадебный поезд.

– Тем лучше! – воскликнул обрадованный наиб Шамиля, торжествуя, что хоть пленением невесты будет отомщён коварный генерал, который вместе с другими в знак перемирия забрал у имама старшего сына в аманаты и, не сдержав обещания, вновь напал со своими сподвижниками на Ахульго, превратив его в руины и истребив защитников.

– Господин абрек, что вы собираетесь с нами делать? – с тревогой спросила девушка.

– Не беспокойтесь, госпожа, ничего плохого.

– Как её зовут? – спросил наиб оружейника.

– Сейчас узнаю. Как вас зовут, сударыня?

– Меня – Анна Гукасовна, англичанку – Эддит, – ответила девушка и добавила: – Умоляю, господин абрек, отпустите меня, мой отец вознаградит вас за это.

Казимир перевёл наибу слова пленницы. Ахвердиль-Магома ответил:

– Если за неё мне дадут всю Россию, и тогда не соглашусь, хотя бы из-за того, чтобы эта юная красавица не досталась старому гяуру, нашему кровному врагу. Я доставлю их в Дарго, пусть там Шамиль решает, как поступить.

– Извините, госпожа, сие от меня не зависит. Мой начальник обязан доставить вас к имаму Шамилю, с ним договоритесь. Наш наиб говорит, что вы достойны лучшей партии, чем генерал Пулло.

Девушка заплакала. Тут англичанка не выдержала:

– Невежды! Дикари! Как вы смеете? Вы, наверное, считаете более достойным, чтобы она стала супругой злодея Шамиля?

Ах, боже мой!

– Не плачьте, сударыни, наш имам женат. Коран запрещает брать в жены иноверок. Ни одну из вас он не возьмет, если бы даже вы захотели этого. И вовсе он не разбойник, а благородный человек, к тому же гораздо моложе и красивее вашего Пулло. Он, наверное, освободит

вас за хороший выкуп, так что не портите свою красоту переживаниями. Адью! – вежливо сказал Казимир, кланяясь англичанке.

Когда абреки отошли, Эддит сказала Анне:

– Этот, что говорил по-русски, наверное, перебежчик, и не из простых солдат... Видела манеры, сопровождающие речь, вполне светского человека?

Узнав, что Шамиль от Назрани повернул обратно, Ахвердиль-Магома, не заезжая домой, направился в Дарго. Он доложил имаму о постигших его неудачах, а в заключение сказал:

– Клянусь Аллахом, несмотря на всё, лучшего набега я бы не желал.

– Что же хорошего, если в захваченном обозе не оказалось ни одного приличного коня, ни денег в почте, ни оружия? – удивился Шамиль.

– Зато в нём оказалась райская гурия со служанкой, за которую ты сможешь взять большой выкуп.

– Кто она? – спросил имам.

– Дочь самого богатого моздокского купца-армянина.

– Значит, соотечественница твоих предков, – улыгнувшись, сказал имам, намекая наibu на его армянское происхождение.

– Кто-бы она ни была, но это настоящий клад. Больше того, ты знаешь, чья она невеста?

– Скажи, тогда узнаю.

– Пулло, того парламентёра-генерала, которого посылал к тебе на переговоры главнокомандующий Граббе под Ахульго.

Шамиль изменился в лице. Напоминание об ахульгинском побоище вызывало в нём гнетущее чувство. Он долго сидел молча, задумавшись, затем подняв голову, сказал:

– Хвала Всевышнему! Рано или поздно он посылает возмездие злодеям.

– Не печалься, имам, горе и радость следуют чередой... Разреши ввести пленницу, хочу восторгом вытеснить грусть из твоей души, – сказал наиб.

– Введи, – ответил имам.

Шамиль буквально застыл от изумления. Он видел красивых горянок на свадьбах, любовался их пёстрыми нарядами, украшениями, но ни одна из них не могла сравниться с этой... Она казалась заоблачной, осыпанной и свежей утренней росой и сияющей снежной пылью, упавшей из райских чертогов. Сердце имама, которое не содрогалось в жестоких сражениях даже тогда, когда близилась к нему тень Азраила, вдруг затрепетало, и странное волнение охватило его – от чистоты, белизны, блеска неземной красавицы. Он долго осматривал её.

Она, покорная, с грустным лицом, опустив глаза, стояла перед ним.

Наконец, уловив на себе испытующий лукавый взгляд Ахвердиль-Магомы, Шамиль встал и молча направился к выходу. Он вошёл в свою библиотеку, стал ходить по комнате, заложив руки за спину. Через некоторое время, оставив пленницу в гостиной, туда вошёл наиб. Он спросил:

– Имам, куда прикажешь их поместить?

– На женскую половину, в ту комнату, где живёт тётушка Меседу.

Ахвердиль-Магома не стал задерживаться.

Имам остался недоволен самим собой. «Как это могло случиться, – думал он, – что я – мужчина, дважды женатый, познавший близость и женские ласки, вдруг оробел, потерял чувство самообладания перед какой-то иноверкой? И зачем мне нужно было смотреть на неё так долго? Не зря на Востоке женщины закрывают лица, чтоб оградить сильный пол от соблазнов».

Он взял с полки том по богословию, раскрыл, стал читать, но ещё больше расстроился, когда меж строк замелькала пленница. Отложив Коран, Шамиль опустился на колени, стал читать молитву, а перед глазами вновь застыла она, в печали склонив голову, как большая белая птица.

Шамиль поднялся, вышел из дому. Никакие дела не могли отвлечь его от мыслей о девушке...

Через несколько дней Шамилю сообщили о прибытии из Моздока посланцев купца Улаханова. Имам поручил переговорить с ним казначею Юнусу, предупредив его, чтобы он ни за какие деньги не соглашался возвратить девушку.

Юнус с помощью переводчика Казимира сказал, что имам за деньги не вернёт девушку, добавив от себя, что он, может быть, обменяет её только на своего сына Джамалуддина, выданного русским в аманаты.

Ни с чем вернулись делегаты в Моздок.

Шамиль стал ждать второго тура переговоров. Но ждал их с беспокойством. Раньше на женскую половину он почти никогда не заходил. Теперь же, особенно по вечерам, он стал чаще появляться у матери. Дверь в её комнату была рядом с застеклённой наполовину дверью помещения, где жили пленницы. Идя по темному коридору, он обязательно останавливался и, поглядев через стекло на пленницу, быстро отходил.

Анна, заметив его, бросалась к Эддиту, говоря:

– Вождь смотрит, я боюсь...

– Ну что ты, милая Аннушка, успокойся, ничего он тебе не сделает, – шептала англичанка. – Ты присмотришься к нему: он красив, держится с достоинством, как благородный человек, и вовсе не похож на разбойника.

– Вы правы, Эддит, – соглашалась девушка. – Они здесь серые и убогие, но весьма воспитанные и не похожи на дикарей. А тётушка Меседу просто прелесть.

Анна была права. Меседу была готова разбиться, чтобы угодить любимому племяннику. К тому же ей было очень жалко пленниц, особенно молодую, которая часто плакала. Не зная по-русски, женщина добрыми улыбками старалась объясниться со своими несчастными гостями. Она угадывала малейшее их желание. Не пожалела для пленниц даже куска ароматного туалетного мыла, подаренного ей когда-то на свадьбе.

Обучая невольниц аварскому языку, Меседу и сама учила русские слова. Особенно помогал ей в этом Казимир. В день по несколько раз посещала Меседу оружейную мастерскую Казимира, которая была расположена рядом со складскими помещениями во дворе дома Шамиля.

– Гей, Казимир, как сказать по-русски «иди сюда», «кушай»?

После объяснения, повторяя на ходу слова, она спешила к пленницам, восклицая:

– Эддит, иды суда! Анна! Кушей, знаешь!

Пленницы иногда покатывались со смеху, слушая весёлую душеньку-Меседушеньку, как они называли тётку имама... Прошли лето, осень, зима. Пленницы не теряли надежды на освобождение. К вечерним безмолвным визитам вождя они привыкли, считая это своеобразной проверкой, и даже огорчались, если он не появлялся за стеклом двери. Не скрылись от глаз бонны лёгкое кокетство и позы, которые принимала Анна, садясь на тахту перед появлением Шамиля.

– Теперь ты не боишься его? – спрашивала англичанка.

– О нет! Напротив – мне кажется, он боится меня. Если я гляну, вождь опускает глаза и быстро удаляется, – смеясь, говорила девушка.

– А мне кажется, имам немножко нравится моей барышне, – заметила бонна.

– Да, романтическая личность! Какой-то он величественный. Особенно необыкновенны глаза, они с грустной поволокой и пронизательны, несмотря на спокойное выражение.

– Боже мой! Барышня, кажется, влюблена в вождя дикарей! – восклицала, шутя, Эддит.

В апреле к Шамилю в Дарго приехали из Кази-Кумуха устэд Джамалуддин-Гусейн и купец Муса. Их приезд и бесконечные новости отвлекли имама на время от пленницы. Но это время оказалось слишком коротким: на вторую же ночь он вновь появился в тёмном коридоре.

доре за дверным стеклом. Только теперь не заходил к матери, а возвращался в гостиную, через которую вела дверь в его спальню.

На третью ночь, когда гости и все остальные в доме улеглись, Шамиль встал с постели, накинул чуху, пошёл в кунацкую. Там спал Джамалуддин-Гусейн.

– Отец мой, проснись, – шепнул имам, осторожно касаясь плеча устада.

Джамалуддин открыл глаза, сел.

– Что-нибудь случилось? – спросил он.

– Нет, поговорить хочу поделиться.

– Слушаю тебя.

– Что-то происходит со мной, помоги советом.

– Что именно?

– Потерял сон. Иногда лежу до утра с раскрытыми глазами, смотрю на луну, звезды, плывущие белые облака. Молитвы не приносят успокоения, дела не отвлекают, не хочется выезжать из дому. Жена сама приходит ночью, посидит у постели, оба молчим. Не сказав ничего, она уходит, я не задерживаю, а раньше рад был её ласкам. Но что самое страшное – это робость, которая охватывает меня при виде её.

– Кого?

– Пленной иноверки.

– Кто она? Откуда взялась?

– Наиб Ахвердиль-Магома захватил её вместе с обозом под Моздоком. Её отец – один из богатейших купцов города. Она невеста генерала, который дрался с нами под Ахульго.

– Может быть, ты влюблён?

– Не знаю, но только образ её преследует меня всюду день и ночь, манит и волнует. Пойдем, взгляни на нее, и ты убедишься, что нет подобной во всей Вселенной.

Устад поднялся, накинул халат и последовал за Шамилем. Они вышли в тёмный коридор, остановились перед стеклянной дверью. В комнате горела чуть прикрученная большая керосиновая лампа – Анна боялась спать без света.

– Смотри на тахту, – шепнул имам.

На тахте, разметав длинные волосы по белоснежной подушке, лежала девушка.

Шамиль, потянув за рукав халата, отвёл удивленного учителя.

– Да, сын мой, соблазн велик! Она неотразима. Красавица из сказок Шахразады! – сказал старик, входя в кунацкую. – Теперь всё понятно, сын мой, это любовь – великое, властное чувство, которое можно умерить только сближением...

– Сближением? – переспросил Шамиль.

– Да.

– Как можно? Она ведь не жена мне и к тому же христианка. Я не могу прикоснуться к ней...

– Почему? Ведь касались и касаются халифы и султаны чужеземных красавиц-наложниц гарема?

– Зря ты, учитель, сравниваешь меня с царственными особами стран Востока. Твой ученик – простой уздень. Но даже будь я потомственный владыка халифата, не последовал бы дурным примерам и ни за что не пошёл бы на незаконную близость не только с иноверкой, но даже с мусульманкой.

– Напрасно. Ты, имам, такой же властелин, как любой шах или султан. Никто не осудит тебя за близость с той, которая по праву принадлежит тебе.

– По какому праву? – спросил Шамиль.

– По закону войны, – ответил устад.

– Но об этом нигде не сказано в Священном писании.

– Это диктуется волей победителя, – возразил уstad и, помолчав немного, спросил: – А если она не даст согласия принять ислам и стать твоей женой? Что будешь делать тогда?

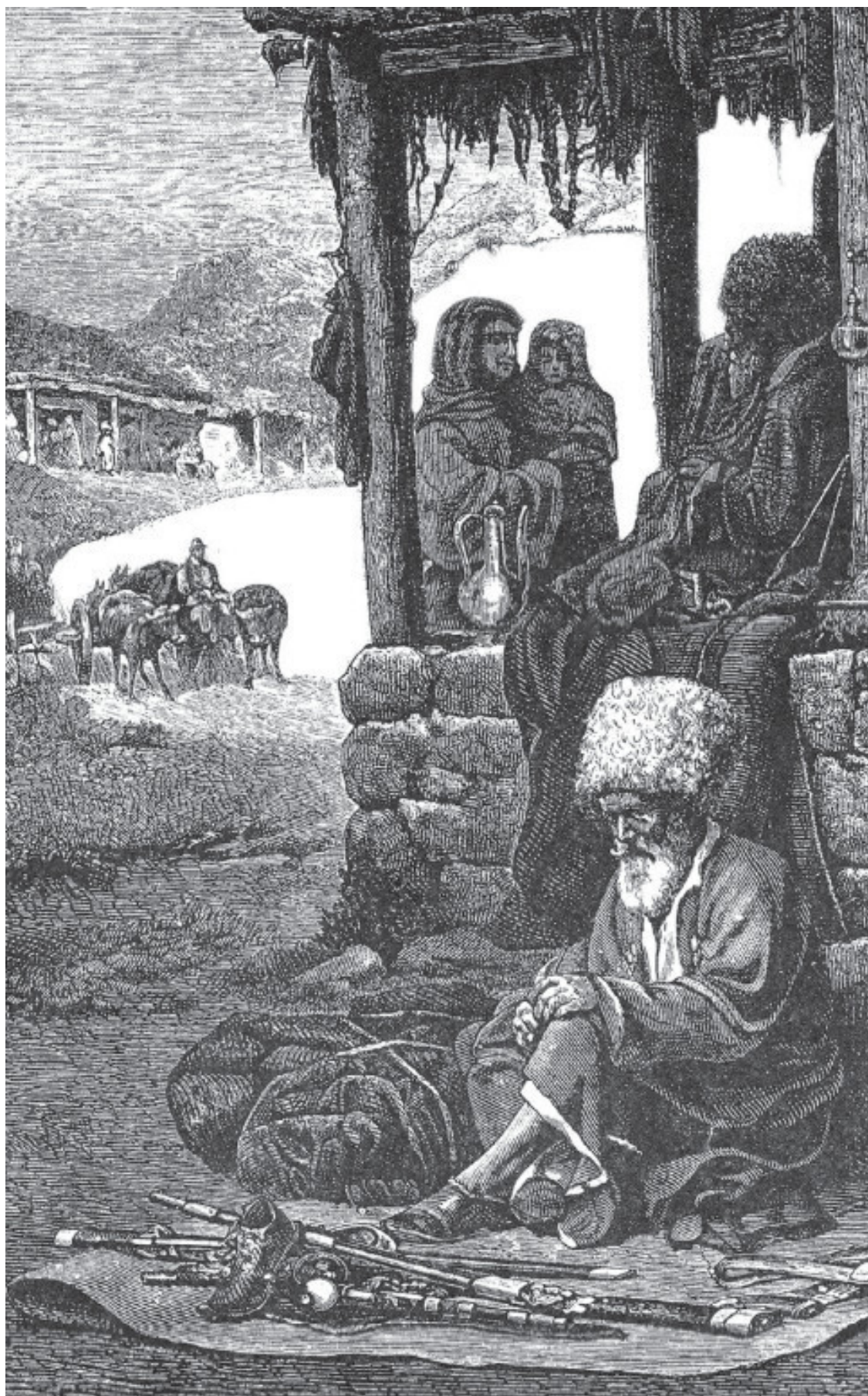
– Буду переживать до тех пор, пока со временем чувство не уляжется, или мечтать до конца дней. Иначе, если я сделаю то, что советуешь ты, подчиненные мне муртазагеты, следуя примеру имама, начнут предаваться разврату с каждой встречной, – ответил Шамиль.

Учитель не нашёлся, что ответить ученику.

– Прости, отец, что потревожил сон твой. Я поделился с тобой сердечной тайной, которую до сих пор не раскрыл никому. Прошу, сохрани и ты её, как храню я в глубинах души, – сказал Шамиль, поднимаясь.

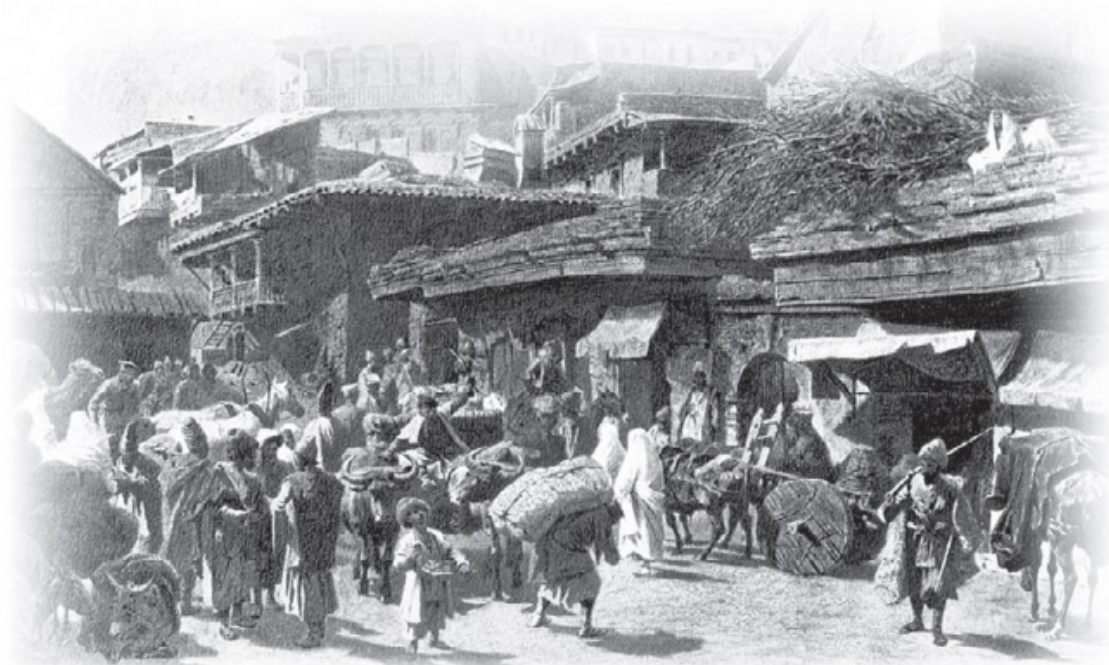
Казикумухский купец Муса, окончив медресе ещё в годы юности, не порывал связи с учителем Джамалуддином-Гусейном. Он был убеждённым шариатистом, благосклонно относился к юридиксму. Но коммерческая жилка в его характере уводила его в торговые дела. С имамом он был знаком ещё в бытность его в Гимрах. Народ подвластных имамату аулов и само маленькое государство имама нуждалось в предметах быта, оружии и во многом другом. Нужны были рынки для сбыта предметов кустарного производства и приобретения промышленных изделий и товаров. Базары, которые собирались в крупных аулах, не обеспечивали нужд населения, хотя сюда и проникали бродячие купцы-коробейники с товарами. Этим мелким торгашей, способных на обвес, обсчёт и обмер, горцы не любили. Не терпел их и Шамиль, хотя всячески старался поощрять торговлю и даже выдавал из казны ссуды отдельным предпринимателям. Купцы и торговцы имамата несли воинскую повинность наравне со всем населением. Они участвовали в походах и обязаны были являться к местам сбора войск по первому зову. А те, кто отсутствовал из-за срочных торговых сделок, по возвращении должны были дать объяснения наибама о причине неучастия в экспедициях.

Казикумухский купец Муса снискал доверие во всём Дагестане. Знал и уважал его за честность, добросовестность в торговых и воинских делах и Шамиль. Имам, еще будучи в Дагестане, писал устату, что только купца Мусу человека правдивого и безукоризненно честного, он желал бы иметь при себе как управляющего по торговым делам. Устад Джамалуддин-Гусейн и уговорил Мусу переехать в Дарго, помочь имаму в делах торговых. Муса знал многие языки народностей Дагестана, владел чеченским и русским. С ним были знакомы все купцы предгорных городков. Ему беспрепятственно удавалось проникать в крепости к маркитантам и служивым, у которых он закупал оружие и боеприпасы. Исключительная честность создала ему добрую славу и всеобщее уважение.

Имам принял его с радостью:

– Брат мой Муса, – сказал Шамиль, – нам нужно иметь у себя постоянно торгующую лавку. Получи четыре тысячи из казны взаимобразно, пусти их в оборот. Я не сомневаюсь, что тебе удастся развернуть здесь хорошую торговлю. Выделим помещение под лавку на площади, поставим охрану.

Муса согласился. Он быстро наладил дело. Привлёк людей, которым мог доверить от пятидесяти до ста рублей. Посылал одних за товарами в города и крепости, других-для распродажи товаров не только в ближних аулах, но и далеко в горах. Эти люди, порой рискуя жизнью, добывали «красный товар» – ситец, сукно, парчу. Они устанавливали связи с лазутчиками-маркитантами, выходили за пределы Чечни и Дагестана.

Однажды, когда Муса собирался за какими-то ценными товарами в Хасавюрт, коновод Салих стал упрашивать Шамиля отпустить его с купцом.

Чего ты там не видел? Муса едет по своим делам, а ты что будешь делать? – спрашивал Шамиль, не желая отпускать Салиха, который был не просто коноводом, но и большим помощником во всех хозяйственных делах дома.

– Мне очень хочется. Я ничего не видел, кроме гор и аулов, – умолял Салих.

– Ну ладно, езжай, коли хочешь, но смотри, чтобы ни на шаг не отходил от Мусы, – строго приказал имам, – а то недолго и до беды. Вон, какой вымахал, понрависься кому-нибудь, схватят и продадут опять в рабство на равнине.

На следующий день небольшой обоз во главе с Мусой выехал из Дарю. До Хасавюрта добрались благополучно. Салих целый день ходил с Мусой по маленькому кумыкскому городку, где встречалось много русских. К удивлению Салиха, купца Мусу в городе знали почти все жители: и кумыки, и русские. Они при встрече с ним, радуясь, словно родственники, обменивались рукопожатиями, о чем-то договаривались, а кое о чём шептались, отойдя в сторонку.

Ночевать Муса пошёл с Салихом к кумыку, своему давнему кунаку. Проснувшись утром, купец обнаружил, что коновод имама исчез. Он встревожился, сначала звал его, потом искал полдня, но так и не нашёл. Муса поднял на ноги всех жителей Хасавюрта. На поиски Салиха были брошены и солдаты гарнизона. Но тот словно в воду канул.

А Салих тем временем, переодевшись в одежду нищего, с сумой и посохом в руках, насыпав в один из чарыков мелких камешков, чтобы хромать на одну ногу, подходил к Атлы-Боюну, расположенному у дороги в Темир-Хан-Шуру. Переночевав в Алты-Боюне, двинулся дальше не торопясь и к вечеру добрался в Халимбек-аул, что находится в двух верстах от Шуры. И в этом ауле приютили, накормили хромого нищего странника. Утром он явился на шуринский базар. Бродил по лавочным рядам, прислушиваясь к речам торговцев, покупателей. Вскоре сумка его наполнилась кусками лепёшек, кукурузной мукой, яблоками, кое-кто подавал и мелкую монету, хотя он и не просил, но и не отказывался. Наконец ему встретились два мальчика, которые говорили по-аварски. Видимо, это были дети отступников, переселившихся в Темир-Хан-Шуру. Салих спросил у них:

– Где находится место выпаса лошадей горожан и солдат?

– Вон на той стороне, за долиной реки Шура-Озень, находится поле Гирей-авлак. Там по правую сторону пасутся табуны войсковые, по левую – жителей города, – объяснил один из мальчиков.

– А зачем тебе это нужно знать, может быть, ты хочешь угнать коня? – спросил второй.

– Мне нужно собрать тёплого конского навоза, чтобы полечить больную ногу, – пояснил Салих.

– Так ты пойдешь лучше к кузнице, там немало лошадей, целый мешок можешь набрать.

– Правду говоришь, а я не подумал об этом. Зачем бегать за табуном? А где кузница?

– На улице за базаром.

Салих пошёл, завернул за угол, постоял немного и пошёл обратно. Пройдя переулок, вышел за город. Долину между северо-западными казармами и городом пересекала дорога, идущая от Халимбек-аула в горы. Левее от казарм высилась скала, обращённая гигантским козырьком к долине. На вершине скалы и возле казарм стояли часовые. Противоположный берег Шура-Озень был намного ниже и ровнее. На зелёных лужайках между небольших зарослей кустарника Салих заметил пасущихся лошадей. Неторопливо, опираясь на посох, сильно прихрамывая, спустился он в долину, сняв чарыки, перешёл реку вброд и пошёл по тропе к Халимбек-аулу. Он внимательно разглядывал каждую лошадь вороной масти, но в этом табуне не было ни одного коня, породистого, стройного, красивого, как Кегер. Мало ли что могло произойти за эти два года? Конь мог измениться. Подумав об этом, Салих зашёл за кусты, остановился, сунул указательный палец с мизинцем в рот, напряг язык и свистнул. Ни одно из животных не подняло головы.

Салих прошел дальше, забрался на небольшой холм, огляделся вокруг. Слабая надежда вновь затеплилась в его душе, когда он заметил ниже, недалеко от халимбекаульских садов, второй табун.

Салих похромал в ту сторону. На значительном расстоянии от табуна он замедлил шаг, но не остановился даже тогда, когда ему показалось, что среди нескольких кобылиц с жеребятами мелькнула грациозно изогнутая шея, которую не спутаешь ни с какой другой.

Сердце Салиха сильно застучало. Он торопился подойти поближе к садам. Когда достиг тени раскидистого тутового дерева, остановился, опустился на землю, лёг на живот. Сдвинув папаху на глаза, Салих лежал, не отрывая глаз от прекрасного животного. Конь, продолжая щипать траву, отошёл от кобылиц к обрывистому невысокому берегу.

– Кегер, не забыл ли ты меня? Может, солдат, слуга нового хозяина, лучше ухаживает за тобой? – шептал Салих, не веря своим глазам. Он вновь свистнул, только тихо.

Но тонкий слух коня, видимо, уловил знакомый звук. Конь вздрогнул, выпрямился и, высоко подняв голову, стал втягивать воздух с той стороны, откуда донёсся свист.

Салих не шевелился.

Конь постоял в настороженной позе с минуту, повернул голову, как бы недоумевая, и вновь принялся за траву. Но теперь чувствовалось, что он обеспокоен. Пощипывая зелень, Кегер часто поднимал голову и поглядывал по сторонам.

Несколько часов с удовольствием провалялся Салих на мягкой душистой траве в ожидании вечера. И всё же он беспокоился: кони могли понадобиться, и Кегер в том числе.

Когда стали сгущаться сумерки, Салих поднялся, обошёл сад, отыскал тропу, по которой можно было выйти на дорогу. Затем вернулся к тутовнику. Его охватило волнение, когда он не смог сразу отыскать взглядом коня. Салих свистнул. Кегер, услышав свист, громко заржал в ответ и, отделившись от табуна, поскакал.

– Дружок мой, хороший, здравствуй, – приговаривал Салих, обнимая и похлопывая коня. Он вынул из сумки уздечку, набросил на голову Кегера. Вскочив на спину, хлопнул коня слегка ладонью, и тот рысью пустился вниз по тропе.

Когда выбрались на дорогу, конь, угадывая чутьём желание хозяина, вытянул шею, прижал уши и понёсся над пыльной дорогой, как птица, едва касаясь копытами утоптанной земли.

Далеко позади остался Халимбек-аул. Где-то в стороне промелькнули слабые ночные огоньки Капчугля. Мрак и тишина вокруг. Безмолвие ночи нарушалось только цоканьем копыт Кегера.

Салих спешил. Он повёл коня в поводу сначала быстро, а потом всё медленнее и медленнее. Временами он останавливался, ошупывал коня. Вначале Кегер был весь мокрый от пота, потом высох, отдышался, и теперь его можно было поить.

Салих спустился к небольшому ручейку, напился сам, развязал торбу, достал кусок лепёшки, стал жевать. А Кегер всё пил, не торопясь, процеживая через сомкнутые губы студёную воду. Выглянула луна, стало светлее. Доев лепёшку, Салих поднялся, пошёл дальше. Шёл долго. На подъёме к перевалу вновь сел на коня, на вершине сошёл. Конь послушно шагал за ним. К рассвету спустились к равнине. Здесь Салих свернул с дороги к горам. В небольшой котловине, недоступной глазу, среди холмов, спутав уздечкой передние ноги коня, стал пасти. Сам залёг в кустах кизила.

Весь день пасся Кегер, а Салих отдыхал, тревожно прислушиваясь к тишине. Только на закате солнца вздремнул немного. Как только стемнело, вновь напоил коня и поскакал по хасавюртской дороге. Город проехал стороной, переправился через Ямансу и не спеша двинулся по чеченской земле.

А купец Муса, выгодно закупив товар, в подавленном состоянии вернулся в Дарго.

Не желая имаму портить вечер, он только утром явился к нему и с огорчением сообщил о странном исчезновении Салиха.

Шамиль очень расстроился. За все эти годы он и его близкие привыкли к парню, считали его членом семьи. Имам особенно был привязан к тем, кто разделил с ним горькую участь на Ахульго, а к Салиху, который с одного взгляда понимал его, – в особенности.

– Возвращайся снова в Хасавюрт, живым или мёртвым он должен быть найден, – сказал Шамиль и зашагал по комнате, как делал всегда, когда был взволнован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.